18+

ЕСЛИ БЫ НЕ Я

ЛАНА ХОМЯКОВА

и жили они долго, счастливо и далеко друг от друга

Лана Хомякова

Если бы не я. И жили они долго, счастливо и далеко друг от друга

«Издательские решения»

Хомякова Л.

Если бы не я. И жили они долго, счастливо и далеко друг от друга / Л. Хомякова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831106-2

Ева умна и невероятно красива. Молодость — её козырь, жизнелюбие — её сила. Она была бы счастлива, если бы не обстоятельства, любовь, сёстры, друзья, университет, случайные знакомые. Свои проблемы она называет различными именами, хотя у всех её невзгод лишь одно имя — Ева. Какую цену заплатит девушка, чтобы понять это?

ISBN 978-5-44-831106-2

© Хомякова Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Если бы не жаркое лето… 7
Глава 2. Если бы ни универ… 14
Глава 3. Если бы дети не так сильно походили на родителей… 25
Глава 4. Если бы желания совпадали с возможностями… 34
Глава 5. Если бы не предубеждения… 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Если бы не я
И жили они долго, счастливо и далеко друг от друга

Лана Хомякова

© Лана Хомякова, 2019

ISBN 978-5-4483-1106-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Я выхожу замуж», – мысленно повторила Ева, рассматривая себя в зеркале. Её свадьба до сих пор казалась ей чем-то нереальным, несмотря на месяцы подготовки и вызванные ими конфронтации с мамой. Они хотели одного и того же, но настолько привыкли противоречить друг другу, что платье, ресторан, блюда, алкоголь, гости становились поводами к неизбежным разногласиям.

С минуты на минуту приедет *он*, и начнётся выкуп по всем правилам. Эта традиция казалась ей глупой, старомодной и бессмысленной. Однако она почему-то согласилась на неё. Это было одно из тех спонтанных решений, которые она принимала под воздействием сиюминутных желаний. Правда, теперь Ева не знала, чего именно хотела, когда заявила о своём намерении сыграть свадьбу по всем традициям. Скорее всего, это было сделано вопреки желаниям жениха, который в принципе испытывал неприязнь ко всякого рода традициям, навязывающим определённый образ действий.

Зная *его*, Ева и не предполагала, что *он* так скоро предложит ей и руку, и сердце, и прочие органы и части тела. С обеих сторон не было ни намёка на готовность провести большую часть жизни бок о бок друг с другом. Просто однажды *он* попытался запретить ей участвовать в съёмках для рекламы нижнего белья, на что она сказала: «Ты мне кто? Отец? Брат? Может быть, муж? Так помалкивай. Я твоего разрешения не спрашиваю». Тогда *он*, не колеблясь, сделал ей предложение: «Выходи за меня замуж». Ева и согласилась так, назло, чтобы словами не бросался, поэтому она немало удивилась, когда на следующий же день *он* потащил её в загс подавать заявление.

И вот долгожданный день свадьбы. Она выглядит великолепно. Красивее неё невест не было, и быть не может. Маме хоть и не нравится жених, но она тоже рада этому событию, поскольку превосходно знает, что её дочка далеко не подарок. Сёстры завидуют ей белой завистью и ведут себя образцово-показательно. Трудно поверить, что когда-то они едва ладили друг с другом.

На свадьбу приглашены друзья, но тех людей, с которыми Ева хотела бы разделить свою радость, рядом нет. Она потеряла лучшую подругу, сильно обидев её и так и не набравшись мужества попросить прощения, поэтому свидетельницей стала однокурсница, которая прежде годилась только разве что на совместный шопинг. Нет ещё одного человека и тоже исключительно по её вине. Вспомнив о нём, Ева не смогла сдержать эмоции: по её щеке потекла слеза. Этот человек был нужен ей, так как до сих пор она ощущала зияющую дыру, которая образовалась в её сердце, когда он перестал звонить ей, заботиться о ней, просто перестал быть частью её жизни.

Вовремя опомнившись, что ей нельзя плакать, иначе макияж поплывёт, а времени поправлять его нет, Ева вытерла щёку и улыбнулась своему отражению в зеркале. Она много ошибалась. Уроки давались ей непросто, но теперь Ева знает, чего она хочет, и поэтому не хватается за что попало. Она желает быть счастливой. Без условностей.

Глава 1. Если бы не жаркое лето…

Ева любила острые ощущения и никогда не признавала полутонов, втихаря презирая тех, кому достаёт самообладания сдерживать свои чувства. Если чувство можно скрыть, значит это вовсе не чувство, а так, выходки от головы. Впрочем, она была уверена, что вообще все беды происходят из-за того, что люди слишком много думают. Во-первых, это упущенное время. Во-вторых, разум гораздо порочнее сердца: он порождает целую компашку падших девиц, среди которых ложь, корысть, меркантильность и зависть.

Когда Андрей навалился на неё всем телом, Ева почувствовала такой восторг, какой может испытать оказавшаяся в сильных мужских руках женщина, рождённая для любви. Как здорово быть молодой, способной испытывать ощущения со всей волнительной остротой, когда сердце то замирает в предвкушении чего-то важного, то начинает бешено колотиться, как будто готово вырваться из груди с тем, чтобы расплескать то огромное счастье, которое удалось накопить всего за мимолётный взгляд, долгий поцелуй и короткое прикосновение человека, на ком сосредоточено всё внимание, о ком все мысли, с кем время останавливается, и есть только настоящий момент.

Крепкие, богатырские руки Андрея обнимали её так нежно, как никогда, казалось, не обнимали чьи-то другие. Ева, далёкая от фантазий, не обладала склонностью к впечатлительности, но полные обожания глаза Андрея волновали её, а его мускулистый торс стимулировал работу воображения. У неё мурашки пробежали по коже, когда она провела ладонью по его груди, и подкосились ноги, едва Андрей прижал её к своему горячему телу. Ева упивалась Андреем, его запахом, сочетающимся с нотками цитрусовых туалетной воды, его большими миндалевидными светло-серыми глазами, его губами причудливой формы, которые иногда складывались в правильное сердечко. Высокий широкоплечий смуглый Андрей – само воплощение идеала, который Ева держала у себя в голове, не надеясь оказаться у него в руках. Впрочем, Андрея она повстречала задолго до того, как он вдруг стал её идеалом.

Это же Андрей Воронцов! Тот самый мальчишка, с которым Ева познакомилась, когда они оба учились в седьмом классе. От несуразного заучки-лицеиста, который умел собирать приёмник из хлама и смущался, разговаривая с девочками, осталось только имя. Прошло всего три года с окончания школы, в течение которых Ева и Андрей так ни разу и не увиделись, ослеплённые блеском студенческой жизни. Всего за три года Андрей набрал мышечную массу, благодаря чему его доселе тщедушное тело стало чертовски привлекательным. Тот Воронцов постоянно сутулился, и отсутствие осанки производило ложное впечатление, будто бы он не так уж и высок. Хотя неизменными остались отпечатки приключений Андрея – многочисленные шрамы. Один из них располагался небольшим полумесяцем под левым глазом, что придавало лицу Андрея ещё большую притягательность, хотя оно и без того не отличалось симметричностью. А кисти рук были полностью покрыты шрамами от ожогов: произошло в биографии Воронцова-младшего событие, когда он горел в отцовском гараже. К счастью, загорелись только перчатки, и огонь не перекинулся на футболку.

Андрей, которого Ева знала раньше, был под постоянным прессингом, чему он отчаянно, но тщетно сопротивлялся. Дело в том, что у Андрея есть родной старший брат Саша. У них разница два года, но они похожи если не как близнецы, то как двойняшки точно, а уж Ева в близнецах разбиралась, как-никак её Ася и Викуся были как две капли воды похожи между собой. Братья Воронцовы очень близки, они дорожат друг другом, и их кровная связь чувствуется во всём. Но при этом Саша, того не желая, стал главной бедой Андрея. Как младшему Андрею постоянно наказывали ровняться на брата, который интересовался математикой и физикой, занимался музыкой, отлично учился в школе. Хотя мозг Андрея был устроен также, то есть как у типичного физматика, и он с лёгкостью щёлкал как математические, так и физические

задачки, его это не так уж и занимало. Андрей всю школьную жизнь шёл по пятам Саши, как прицепленный вагон за локомотивом, которому некуда деться с рельсов.

Андрей окончил музыкальную школу по классу фортепиано с отличием, как Саша, преуспевал в школе, хотя, в отличие от брата, имел одну единственную четвёрку по химии. Но при всём этом, Андрей не испытывал наслаждения от того, к чему он прилагал усилия. Саша жил математикой – Андрей же выполнял минимум требований при максимуме запросов к нему, как к брату Саши. Саша реально любил играть на фортепиано – Андрей превосходно овладел техникой, но не мастерством, поэтому играл выразительно, но без души. Саша кропотливым трудом преодолевал те предметы в школе, которые ему давались нелегко, а Андрею не была свойственна усидчивость, поэтому он не морил себя книгами и без зазрения совести получал трояки время от времени.

Андрей – своенравный и своевольный человек по натуре, поэтому в прошлом Ева, знающая его как облупленного, не переставала изумляться тому, как неохотно, но прилежно он копировал жизнь брата, чему пришёл конец, когда Андрей уехал учиться в Москву.

Теперь в свете постигших Андрея перемен он казался Еве особенно привлекательным, а потому она вдруг, к своему удивлению, влюбилась в него. Это чувство было тем прекраснее для неё, чем большей пикантностью оно обладало. А пикантность состояла в том, что Ева уже год встречается с молодым человеком и в объятия к Андрею упала, воспользовавшись его временным отсутствием в городе.

У Глеба бешеный нрав. Ева легко выводит его из себя, иногда даже специально, чтобы позабавиться его налитыми вскипяченной кровью глазами. Она считала его дрянным человечишкой, но встречалась с ним, поскольку давала объективную оценку себе. Это была своего рода забота об окружающих: сволочи должны держаться вместе и не портить жизнь *другим* людям.

И тая под горячими губами Андрея, Ева испытывала исключительно удовольствие без намёка ни то что на муки совести, даже на её немое присутствие. В ней, как в тринадцатилетнем подростке, проснулась тяга к запретному, хотя в своём отрочестве Ева вела безупречный образ жизни. И сейчас она не могла себя поругать за безнравственное поведение, ибо целоваться, зная, что тебе потом за это оторвут голову, удивительно здорово.

А ведь Еве очень повезло с бурей страстей, которая внезапно ворвалась в её однообразную и приевшуюся жизнь. Друг, числившийся в списке контактов в социальной сети, и с которым она не обменялась ни одним сообщением, неожиданно предстал перед ней семь дней назад, спустя три года с их последней встречи.

Лето выдалось жарким. Смог от горящих торфяников, сгустившийся над Москвой и соседними по отношению к Тульской областями в августе перестал доставлять неприятности бедолагам, которым так и не удалось выбраться из города ни к морю, ни к горам, ни к прочим объектам туризма как в России, так и за её пределами. За это Ева тихонько возненавидела Глеба, который подрядился представлять свой факультет в приёмной комиссии вуза, а потому не мог рассчитывать на отпуск летом.

Ева купила себе на распродаже летний сарафан, превосходно подчёркивающий красоту её лица и великолепие тела, и устроилась в кафе в торговом центре, сетуя на то, что лето кончается, и в этом году обновку надеть не удастся, так как буквально через неделю температура опустится до пятнадцати градусов по Цельсию, что характерно для середины августа в Туле. Она пила безалкогольный мохито и смотрела на панораму центра города, и при этом возникало желание свалить из этой провинции раз и навсегда.

К ней со спины подкрался видный молодой человек, закрыл своими огромными ладонями ей пол-лица и прошептал банальнейшую фразу таким голосом, от которого у неё внутри всё перевернулось, поскольку в его тембре было что-то цепляющее, истинно мужское:

– Угадай кто.

– Моя эротическая фантазия, – Ева не припоминала, чтобы у кого-то из её знакомых был такой голос с хрипотцой, поэтому осмелилась сделать комплимент незнакомцу.

– Ты как всегда! – рассмеялся он. – Испорченная девчонка!

Тут-то её осенило, хотя она отказывалась верить своей догадке.

– Воронцов?! Неужели ты?

Андрей убрал свои руки с её лица, она быстро обернулась и увидела его во всей красе. Сцена выглядела постановочной, хотя реалистичности передаваемых лицами молодых людей эмоций Голливуд всё-таки позавидовал бы. В окна кафе било солнце. Она сидела за своим столиком одна, безумно красивая и печальная. Её что-то тревожило, и даже по-летнему тёплое солнце не проливало света в её душу. Тут появляется он, уверенный в себе настолько, насколько может быть уверенным в себе молодой высокий парень с обаятельным лицом и шрамом на щеке, имеющим загадочную природу происхождения. Он сразу увидел её и с несвойственной крупным людям лёгкостью подошёл к ней, чтобы она пока не заметила его. Они давно знакомы, но долго не виделись. Он закрыл ей глаза. Они обменялись парой фраз, и вот она обернулась. Идеальное совпадение места, времени и действующих лиц, чтобы им обоим зажгла сердца влюблённость.

Всё так, правда, гармоничности было отведено всего мгновение.

– Как я погляжу, тебя таки шарахнуло током, и ты сменил отвёртку на спортзал! – это был комплимент, чуть завуалированный, но от грубиянки Евы вообще сложно услышать похвалу.

– Ты тоже похорошела. Куда же делись плечи? – как бы невзначай заметил Андрей.

– Убью, – сквозь зубы проговорила Ева.

Ева с шести до шестнадцати лет занималась плаванием, и половина её жизни проходила в бассейне. Когда ей стукнуло шестнадцать, у неё внезапно открылись глаза на свою фигуру. Юная девушка заметила, что в ширине плеч опережает нескольких своих одноклассников, и, боясь казаться мужеподобной, в борьбе за женственную фигуру бросила плавание. Теперь у неё была отличная физическая форма, хотя из-за прекращения нагрузок в бассейне она стала выглядеть намного женственнее.

Андрей знал, почему Ева завязала с большим спортом, причём сам догадался, так как бывшая пловчиха предпочла бы отрезать себе язык, нежели поделиться с кем-нибудь правдой о своих комплексах, которые убили в ней спортсменку. Временами она очень злилась на Воронцова, за то, что он со свойственным ему везением угадывает истинные мотивы её поступков, а иногда обожала его за это, так как с ним чувствовала лёгкость, непринуждённость и могла говорить, не подбирая правильные слова. Бывало, Ева его обижала, бывало, он её обижал, но они всегда быстро прощали друг друга, потому что оба знали: в их дружбе есть что-то особенное, чего никогда не будет в общении с другими людьми.

И вот эта дружба кончилась летним августовским днём, когда оба осознали, что им недостаточно некогда привычных дружеских объятий.

Ева больше никогда не вспоминала эту встречу. Она вообще не отягощала свою голову ни воспоминаниями, ни планами, всецело отдаваясь настоящему. Так было и теперь, когда Ева оказалась в гостях у Андрея, который медленно расстёгивал пуговки на её рубашке.

И вот её синяя рубашка с кружевной спиной упала на пол, Андрей подхватил девушку на руки, не переставая целовать, как вдруг, когда до мягкого дивана оставался один шаг, в коридоре послышался скрежет открывающегося замка. Ева замерла, отстранив лицо от Андрея и в оцепенении уставившись на дверь. Она-то думала, что только её дом полон подобных неприятных неожиданностей в лице мамы, Аси и Викуси, которые отправляют вечер, обещающий быть богатым на впечатления, псу под хвост.

Меньше всего на свете ей бы хотелось встретиться с четой Воронцовых, хотя ещё меньше девушке пришлась бы по душе встреча с ними в их собственной квартире в тот момент, когда она собиралась переспать с их младшеньким сыном! Ева не считала себя преступницей,

но родители Андрея кого угодно заставят усомниться в своей невиновности, поскольку таких строгих правил, какие существовали в их доме, даже не придерживались в монастырях. Таких снобов ещё поискать! К тому же им откровенно не нравилась «эта девочка, которая милой даже казаться не может». А тут ещё неполная семья, троечный аттестат и вызывающая внешность.

Входная дверь захлопнулась шумно, как будто кто-то нарочно с размаху шибанул ей, затем раздались громкие шаги, ещё какой-то грохот и в довершение уж больно неестественный кашель.

– Сань, можешь больше не греметь! Сигнал я уловил, – громко выкрикнул Андрей, оскаливая зубы в грустной усмешке, выразившей всю горечь положения.

Ева бросилась натягивать свою рубашку, спешно подобранную с пола, но злость сковывала пальцы, а потому пуговицы никак не хотели отправляться в петельки. Андрей пришёл ей на помощь, однако в благодарность девушка только сильно шлёпнула его по ладони:

– Не суйся, – процедила сквозь зубы она, поправляя волосы.

Андрей одёрнул руку, но промолчал, понимая, что Ева, девушка высокая и физически крепкая, способна ударить больнее и задумается о последствиях, только если он впадёт в кому после такого удара.

На самом деле, у Евы так просто камень с души свалился. Саша, как хороший брат и тактичный человек, насколько мог, обозначал своё появление, чтобы ненароком не застукать сладкую парочку за неподобающим для глаз третьих лиц занятием. Хотя в его случае было бы лучше вообще не появляться.

– Не смотри на меня так, – потребовал Андрей, которому очень не нравился гневный взгляд Евы исподлобья.

– А как ты мне ещё прикажешь смотреть?!

– Можно подумать, ты одна тут жертва!

– Но не мои сёстры сделали нам game over!

Андрей крепко сомкнул челюсти, мысленно проклиная её характер и Сашку, который всё не ночевал дома и вдруг заявился именно сегодня.

– Не выйдешь поздороваться? – спросил он, приведя смесь своих чувств из разочарования, ярости, желания и обиды в равновесие.

– Больно сдался он мне! – проворчала Ева, подозревая, что общение с Сашей ей ничего хорошего не даст.

– Как остынешь, приходи на кухню.

Андрей поцеловал девушку в плечо, которым Ева не преминула двинуть ему в нос, и вышел из комнаты, оставив её наедине со своей злобой, что не на кого теперь обратить. Ева подошла к окну, посопела и подумала о том, будто бы сама судьба, которая сначала пихнула её к Андрею, подразнив, теперь оттягивает от него за уши. У неё ведь есть Глеб…

Испустив тяжёлый вздох, Ева приняла упор лёжа, отжалась тридцать раз от пола, немного подумала, вся ли дурь вышла через физическую нагрузку, и для верности сделала ещё пять отжиманий. После таких упражнений в ней погибала истеричка. Поправив растрепавшиеся длинные волосы, ощутив полную готовность встретиться с Сашкой, она пошла на кухню.

– Привет, Саш! – Ева даже улыбнулась старшему брату Андрея, у которого глаза округлились до размера пятирублёвых монет, стоило ей показаться, поскольку кокетство стало характерной манерой поведения девушки и помогало получать от жизни больше, чем даётся просто красивым и замкнутым леди. – Что тебя удивляет?

– Привет, – Саша был изумлён, но не красоте Евы, а собственно её присутствию. Он знал, что его матери это бы не понравилось, а поскольку его мнение до сих пор находится в распоряжении строгой матушки, то Саша мысленно не одобрил поступок Андрея, хотя и завидовал брату, которого последние три года со всех сторон облепляют красивые девушки, причём Ева

дала бы фору любой. – А я тебя видел года полтора назад в ТулГУ в двенадцатом корпусе, но ты не на мехмате ведь учишься?

– Упаси господи меня от вашей математики! Я на юриста учусь, – Ева не постеснялась произнести вслух, что она учится, хотя сопоставляя посещение универа с количеством пропусков, на которые приходилось идти из-за работы, она понимала, что её связь с образованием только условно можно назвать обучением. И в двенадцатом корпусе она тогда оказалась для невыполнимой миссии: пересдать с третьего раза математику.

Ева никогда не стремилась поддерживать беседу из вежливости, но так получалось, что её внешность настолько располагала к ней собеседников, что они сами из кожи вон лезли, дабы девушка не заскучала. Так магически Ева подействовала и на Сашу, который, откровенно говоря, презирал школьную подругу брата. Она была спортсменкой, троечницей и за словом в карман не лезла. Каждое из этих качеств по отдельности в глазах Саши отрицательно характеризовало человека, а в сочетании делали общение с ним неприемлемым.

Ева тоже не питала ничего близкого к симпатии по отношению к Саше. Он всегда был хилым и скучным и таким остаётся. Оторванный от реальности, Саша знал только узкопрофильные анекдоты, например, про квадрат скорости, и не интересовался ничем, кроме физики, ставя при этом себя на несколько ступеней выше таких, каким стал Андрей. А ещё он ненавидел большинство девушек, потому что они всегда выбирают всяких «отбросов», не знающих ни последовательности Фибоначчи, ни единиц измерения энергии, а его считают ущербным.

Впрочем, Еве быстро надоело общество ущербного женоненавистника. Она подмигнула Андрею и вышла в коридор, чтобы вызвать такси. Едва ответил оператор, перед ней нарисовался Андрей, забрал у неё телефон и сбросил вызов.

– Ты куда засобиралась? – он недоумевал, как будто присутствие Саши не требовало того, чтобы девушка поскорее убралась отсюда.

– Пойду искать себе любовника с квартирой, – издевательски заявила Ева.

– Тебя дома всё рано не ждут. Оставайся.

– Он наполнит для меня ванну шампанским, – продолжала Ева свой рассказ, мечтательно закатив глаза вверх.

– Ты ведь обязательно поругаешься с Асей.

– Мы выпьем, а потом будем нежиться на шёлковых простынях.

– А Вика поддержит свою близняшку, поэтому тебе придётся поссориться и с ней.

– Он будет шептать мне на ушко, какая я удивительная, неподражаемая, а ещё скажет, что теряет голову от моей красоты.

– В конце концов, ты огребёшь по полной от тёти Гали за то, что не даёшь житья младшим сёстрам.

– А ещё…

– Хватит, Ева! – перебил Андрей, взяв её ладони и прислонив их к своим щекам.

Его взгляд был мольбой, которой тем больше хотелось внять, чем меньше было желание оказаться дома. Андрей был отчасти посвящён в семейные дрязги девушки, хотя она бы предпочла, чтобы о них не знала ни одна живая душа, а потому точно описал, что её ждёт дома. Ева радовалась тому, что Андрей хотя бы не знает, с каким скандалом разошлись её родители, что мама не обмолвилась с отцом ни словом с тех пор, а прошло уже девять лет, что она не общается со своим папашей пять лет, что её сёстры – не просто скверные девчонки, а исчадья ада.

– Как трогательно! – Саша воспользовался моментом излить свою желчь, выглянув из кухни.

Андрей силой впихнул его обратно и закрыл дверь.

– Не уезжай, – опять взмолился он.

Он смотрел с обожанием на эту всегда жизнерадостную студентку, всё больше убеждаясь, что природа создала это совершенное творение для любви, иначе щедро не одарила бы её

огромными чернющими, как ночь, глазами, роскошными длинными тёмными волосами, отливающими медью на солнце, у неё не было бы таких соблазнительных розовых губ и бархатистой, словно лепесток цветка, кожи, которой Андрею хотелось коснуться. Рослая, эта девушка обладала идеальными пропорциями. Казалось, её атлетическое тело было вылеплено скульптором по правилу «золотого сечения». Её округлые бёдра притягивали восхищённые мужские взгляды, и рядом с ней мужчины невольно чувствуют себя безвольными существами, прикованными к своей госпоже.

И Еве было достаточно одного этого взгляда, чтобы осознать всю свою власть над Андреем. Она была в его объятиях, а его судьба – в её руках. Пагубное ощущение власти укоренило решение Евы уехать, чтобы Андрей больше ценил её близость, ну, и немного помучился. Ева искренне считала себя доброй, ведь она любила животных, но в отношениях с мужчинами порой проявляла жестокость, не отдавая себе в этом отчёта. Андрей пока не знал этого, а потому ужасно боялся, что больше Ева не вернётся.

– Андрюш, не смотри на меня так жалобно! У меня сердце сжимается от боли, – врала Ева, чувствуя, что её начало клонить в сон и сдерживая зевоту. – Ты понимаешь, что я не могу остаться. Я не нравлюсь Саше, а ещё больше боюсь, что нагрянут твои родители.

– Они не приедут. Останься. Ты Сашиного присутствия даже не заметишь. Мы просто посмотрим какой-нибудь фильм и поболтаем. Вдвоём, – уговаривал Андрей.

Ева опустила глаза, делая вид, что сомневается, однако просмотр фильмов и болтовня в компании Андрея в её планы не входили, поэтому решительно ответила:

– Нет. Я поеду. У нас ещё будет время.

Андрей сдался, как показалось Еве, слишком быстро. Она надеялась, что он ещё поуговаривает её. Но финальным ляпом стала инициатива, которую он проявил, вызвав такси на домашний адрес Евы: она-то всё равно домой не собиралась, но сообщать об этом Андрею было бы слишком неразумно, как-никак она влюблена в него и дорожит им, а ему вряд ли понравится её задумка.

– Крепись, – прошептал на ухо Еве Андрей, усаживая её в такси.

Ева страдальчески искривила лицо. Её боль выразилась так правдоподобно, поскольку она представила, что её ожидало бы дома, вернись она туда сейчас. «Остановись! Ты никогда не давила на жалость Андрюхе! Он же не идиот, он знает тебя!» – говорил голос здравого смысла.

– Всё будет хорошо. Я тебе позвоню, – бодро пообещала она и показала в улыбке свои жемчужные зубки.

Едва машина тронулась, Ева обратилась к водителю:

– Нам придётся изменить маршрут. Едем на улицу Энгельса.

Водитель усмехнулся и связался с диспетчером.

– Без проблем!

– Спасибо.

– Ох, женское коварство, – пробубнил он себе под нос.

Ева бросила на него испепеляющий взгляд, так как она совсем не была коварной по отношению к Андрею, ведь она уезжает от него не к другому мужчине, а всего лишь к Славке, своей совести. Так уж поучилось, что по мере взросления Ева окончательно расплескала чашу с этим чувством-наказанием, но ей, увы, удалось его обрести в лице своего студенческого друга Славы. Так, она жила порознь с совестью, не испытывая никаких мук, когда приходилось лгать, хамить, оскорблять или делать маленькие необходимые пакости.

Ева даже не собиралась наведываться к Славке и избегала разговоров с ним всю неделю, чтобы ненароком не проколоться на предмет своих отношений с Андреем. Она знала, что он пропесочит её как следует, а перед ним почему-то всегда становилось стыдно. Вот перед оби-

женным ею человеком никогда не испытывала угрызений совести, а вот перед Славкой всегда при том, что ему *лично* она ни разу не причинила зла.

Ева достала мобильник, чтобы предупредить о визите человека, к которому она собиралась ехать. Ей не требовалось соблюдать правила хорошего тона в отношениях с ним, так как он примет её всегда, а потому единственная цель звонка – убедиться, что он дома и что он один, или дать тем самым время избавиться от гостей.

– Привет, бессовестная негодяйка! – ответил добрый низкий голос после пары гудков.

– Ох, не начинай! Ты дома?

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Слава.

– Ничего.

– Ева, я серьёзно. Куда за тобой приехать?

– Вообще-то, я уже к тебе домой еду на такси. Буду минут через пять.

– Жду. Правда, всё нормально?

– Серьёзно! Просто непредвиденные обстоятельства. И не надоедай мне! – Ева отключила мобильник, догадываясь, что неприятных тем для разговоров избежать не удастся. Однако неприятные беседы со Славой никогда не оказываются настолько угнетающими, как гробовая тишина дома, когда все друг с другом не разговаривают.

Глава 2. Если бы ни универ…

Поднимаясь по лестнице, Ева прикидывала расклад игры, в которую можно было бы попытаться сыграть со Славкой. Ей всего лишь надо сделать лицо более угрюмым и мрачным, будто бы слепленный ею любовный треугольник заставляет её страдать. Слава никогда не станет пинать человека, уже уложенного на лопатки. Осталось только убедить его в том, что Ева повержена. Здесь и возникала проблема. Вся виртуозность вранья, гений лжи, коими обладала девушка, на Славку никогда не действовали. Он безошибочно чувствовал ложь, даже когда врала такая отменная лгунья, как Ева. Временами Еве казалось, что он видит её насквозь. Такое здравое понимание её натуры облегчало общение с ним, но не всегда… Иногда ей всё-таки хотелось ввести его в заблуждение, чтобы он со свойственной ему прозорливостью не обнаружил её ошибки и не высмеял их.

Фрагментами прокрутив дружбу со Славкой в памяти, Ева сделала ставку на него, а поэтому решила, что не станет валять дурака. Кто-то же должен урезонить её. Отсутствие доверительных отношение с матерью, никогда не позволят Еве откровенничать с ней. Душевные разговоры с сёстрами вообще выше понимания Евы. Глеб пока не может придушить её, поскольку пребывает в блаженной неизвестности. А Андрей… У него вообще нет претензий.

Славка стоял на пороге с открытой дверью, ожидая гостью. Он оценивающе посмотрел на подругу, и, убедившись, что она вполне себе в настроении, поприветствовал её скабрезной шуткой.

– Там, откуда ты сбежала, тебе одеться не дали или ты целенаправленно идёшь меня соблазнять?

Ева машинально наклонила голову и уткнулась взглядом в глубокое декольте, которое было глубже нормы ровно на две расстёгнутые пуговицы. Для Андрея – в самый раз, но для посиделок с другом слишком вызывающе. Однако девушка не стала спешно поправлять ситуацию, чтобы не признавать своего смущения. Она могла бы развить эту шутливую тему флирта, подыграв тону Славки, но у них сложились другие отношения, которые не допускали осквернения дружбы неприличными намёками.

– Зная твою мать, я в курсе, что ты полудурок, но сейчас я засомневалась и в твоём отце, – Ева задела болезненную тему родственников, дав тем самым понять, что шутка ей не понравилась.

– Заходи, мегера, – тяжело вздохнув, пропустил её в квартиру Славка. – Как с тобой можно договариваться?! Сколько раз мы решали, что больше не затрагиваем предков?!

– Вести себя нормально надо, – ответила Ева, стаскивая со ступней балетки.

Их взаимные колкости не были обидными только потому, что эти двое не могли обижаться друг на друга. Ева не мыслила себе жизнь без Славы, а потому простила бы ему больше, чем кому бы то ни было из своих друзей, знакомых и даже родственников.

Они познакомились в первого сентября 2007 года, когда оба были зачислены в одну группу. Их сразу сблизил совместный досуг, поэтому они в скором времени стали неразлучны. Они катались вместе на роликах, велосипедах, коньках, лыжах, играли в настольный теннис, ходили в кино на все фильмы без разбора, играли в боулинг и в «балду» и говорили обо всём, не утаивая друг от друга ничего.

Слава – счастливое исключение для Евы. Именно за это она ценила его ещё больше. Он не испытывал к ней влечения, не предпринимал попытки завоёвывать её сердце, а потому у него не было причин проклинать и ненавидеть её. Еве это казалось странным и противоестественным, но самооценку не уязвляло, а потому она только благословляла небеса за то, что Слава наполняет её жизнь приятным человеческим общением. Временами, когда Ева испытывает непреодолимое желание бездельничать, она задумывается о том, почему природа не рас-

порядилась так, чтобы Слава был её братом, а «подарила» ей двух сестёр. Бывает, Ева так злилась на Асю и Вику, что признавалась себе в готовности обменять их обеих на Славу, правда ей бы долго пришлось выплачивать огромную компенсацию при таком обмене, иначе никто бы ей славного Славку не отдал.

При первой встрече Слава показался Еве совсем непривлекательным. Он не вышел в длину, не дотягивая семи сантиметров до Евы с ёе ростом в метр восемьдесят, не имел впечатляющей мускулатуры, зато обладал выдающимся крупным носом, на котором круглый год жили веснушки, и широким лбом. Впечатление Евы не было спасено даже небесно-синими глазами в сочетании с каштановой шевелюрой. Девушка даже позволила себе немножко пожалеть его, ведь парню не досталось ни привлекательной внешности, ни обаяния, и она не подозревала, что его внешний вид очень быстро перестанет иметь для неё какое-либо значение. Он заменил Андрея, сбежавшего в Москву, и стал для Евы более подходящим другом. Она и воспринимала его поначалу как другого Андрея, но всё это переросло в искреннюю и сильную привязанность именно к Славе Носову.

Их дружба была бы слишком сказочной, если бы не всё то же пресловутое родство. Спустя полтора года со знакомства Ева случайно выяснила ужаснувший её факт. Она просматривала на компьютере фотографии близняшек с рождества, которое сёстры поехали отмечать к отцу. Ева никогда не слушала россказни сестёр о жизни отца и тем боле не желала видеть его даже на фотографиях, однако ей было интересно, действительно ли он, разбив матери сердце и фактически отказавшись от дочерей, обрёл долгожданное семейное счастье. Пока Аси и Вики не было дома, она втихаря залезла в папку со злосчастными фотографиями.

Первое и единственное, что привлекло её на снимке, – не улыбающийся Павел Петрович с малюткой-доченькой на руках, не его фурия-жена Татьяна и, тем более, не из кожи вон лезущие, дабы выглядеть лучше всех, Ася и Викуся, а молодой человек с открытой доброй улыбкой и с изогнутыми асимметрично бровями.

Как в лихорадке Ева листала фотографии, надеясь, что первая была всего лишь оптическим обманом, а парень окажется совсем не Славкой, но все последующие снимки убедили её в обратном. На этом семейном празднике присутствовал ни кто иной, как Слава. Позже, допросив сестёр и выяснив, что Слава – родной сын Татьяны, Ева в полной мере пережила ещё один удар судьбы, хотя по сравнению с баталиями отрочества, то была всего лишь подножка.

В тот день Ева решила, что вычеркнет Славу из своей жизни, дабы не иметь ничего общего с отпрыском ненавистной ей женщины. Девушка познала ненависть только однажды, и это сильное чувство обращалось к Татьяне, которая увела её непутёвого отца из семьи, поссорила его с ней, а ещё ждёт не дождётся, когда Ася и Вика достигнут совершеннолетия, чтобы Павел Петрович снял с себя ответственность за их материальное обеспечение. Ева понимала, что уже никогда не сможет относиться к Славе так же, как раньше, поскольку глядя на него, всегда будет вспоминать его мать.

Ева поведала всё Славе, но он не посчитал её доводы убедительными и не собирался хоронить дружбу.

– Ты понимаешь, что я каждый раз буду видеть твою мать, которая поломала жизнь моей семье, когда буду смотреть в твои глаза, такие же синие, как у неё?!

– А ты не смотри мне в глаза! У меня, между прочим, уникальной красоты уши, – Слава с юмором отнёсся к заявлению Евы, хотя и почувствовал серьёзность её намерений. Догадываясь, что это решение далось Еве совсем непросто, он постарался убедить её в отсутствии необходимости порывать связи с друзьями только из-за не сложившихся отношений с родителями. Чтобы привязаться к Славе, Еве хватило полутора лет, а потому она поддалась и пообещала себе не казнить Славу за грехи его матери.

Вопреки её ожиданиям, что после открывшихся обстоятельств их дружба станет прохладной и натянутой, молодые люди больше сблизились. Ева рассказала всё о своей семье

и о конфликте с отцом Славе при том, что девушка не любила говорить, впрочем, никогда и не говорила о родственниках из-за существовавших проблем, которые её тяготили, но Славе она открылась, не находя смысла в том, чтобы он услышал о ней из уст своей мамочки!

Судьба Славы тоже была не самой радужной. Он отплатил Еве откровенностью за откровенность, поведав тайны своей семьи.

Слава не был знаком со своим отцом до тринадцати лет. Лялин Дмитрий Эдуардович отказался признать сына по рождению и сбежал в Новороссийск от Тани Носовой, безумно желавшей женить его на себе. Но за свою безответственность Дмитрий Эдуардович был наказан. Он повзрослел и женился на своей новой возлюбленной Аде, однако детей супруги так и не нажили, а усыновить ребёнка не решились. Так, спустя тринадцать лет Дмитрий Эдуардович, раскаявшись, приехал в Тулу с твердым намерением загладить вину перед сыном. Слава как здравомыслящий и чистый человек умеет прощать, а потому принял отца, простил ошибку его молодости, пошёл ему навстречу, ведь к тому времени Татьяна была настолько близка к тому, чтобы сорвать куш и, наконец, выйти замуж, что отнеслась с абсолютным безразличием к бывшему любовнику и давно уже не держала на него зла.

Когда Татьяна вышла замуж за Павла Петровича, она поняла, что с выигрыша придётся уплатить налог, который состоял в том, что её супруг и сын откровенно не симпатизировали друг другу и уживались в одной квартире без удовольствия. По этой причине Слава не отказался от предложения отца некоторое время пожить у него, которое Татьяна приняла, почувствовав облегчение, как будто сам господь бог помогал ей наладить личную жизнь. Временное переселение Славы затянулось на три года. Он хотел поступать в московский ВУЗ, в чём отец его поддерживал, но к этому времени в отношениях Татьяны и Павла Петровича наступил кризис, и она, впав в истерику, потребовала, чтобы сын вернулся домой и был рядом с ней, когда ей так плохо. Слава любит мать, а потому вернулся, похоронив свои планы.

Тем не менее, спустя полгода он снова съехал, так и не смирившись с тем, что главным в семье считается чужой ему мужчина, с которым невозможно было найти общий язык. Татьяна не возражала, чтобы сын жил отдельно. Дмитрий Эдуардович помог Славе начать самостоятельную жизнь, предоставив в пользование квартиру, оставшуюся после смерти его родителей, бабушки и дедушки, которых Слава так и не узнал, и подарил ему поддержанную «ауди» А4 на совершеннолетие.

Еву и Славу, почти что являвшихся сводными сестрой и братом, роднило и то, что они на собственной шкуре познали все тяготы, выпадающие на долю неполных семей, и сложность взаимоотношений взрослых людей. Не имея представления о том, каково это жить в счастливой семье, они оба идеализировали это понятие и зарекались никогда не повторять ошибок своих родителей.

Когда Ася и Вика узнали, что Слава – вузовский приятель их старшей сестры, они удивились, но после быстро сообразили, что это можно использовать как оружие в войне с Евой, и умело настраивали мать против дочери-предательницы, которая удумала дружить с сыном главного врага. Естественно, Галина Николаевна была не в восторге, но осознавая, что, увы, не может навязывать Еве свою волю, ограничилась только просьбой, чтобы Слава никогда не появлялся у них дома. Ева приняла эти условия, не рассчитывая на большее, зная, насколько категорично мыслит её мать, признавая только одно мнение, которое при этом всегда оказывалось её собственным, и надеялась, что когда-нибудь мама станет мудрее.

Слава жил в двушке хрущёвской застройки. Квартире явно требовался ремонт, но делать его за счёт отца Слава отказался, так как не хотел, чтобы Дмитрий Эдуардович подумал, будто бы сын относится к нему как мешку с деньгами. Дмитрию Эдуардовичу удалось только поставить пластиковые окна, тем самым избавив квартиру от поселившихся в ней сквозняков. Ремонт Слава начал с замены сантехники и газовой колонки. Впрочем, на этом он и остановился, решив не инвестировать зарплату в обои, плинтуса, потолочную плитку, кафель, меж-

комнатные двери и т. д. и т. п. Он мог жить в самых неандертальских условиях, а вот ездить ему хотелось в автомобиле покруче его «аудюхи» девяностых годов, а потому он откладывал деньги на машину, которая была бы новее его старушки.

Ева запрыгнула в сиреневые тапки, её собственные, которые она лично принесла в эту квартиру, и, шаркая ногами по полу, поплелась в комнату, служившей Славе гостиной. На самом деле ему вполне бы хватило одной комнаты, поскольку спальня являлась местом, где стоял шкаф с одеждой и периодически ночевала Ева. Сам Слава постоянно обитал в гостиной, из которой не успевал перебраться в спальню, засыпая под какие-нибудь телевизионные передачи.

У него дома, как обычно, пахло кофе. Ева терпеть не могла этот напиток, но к его аромату со временем привыкла, а потому он не раздражал её.

– Чай пить будешь? – спросил Слава.

– Ты ненормальный! Кто летом чай пьёт? Это ты только можешь горячий кофе заливать в себя в такую жару.

– Ну, не такая уж и жара. Короче, чего тебе принести?

– Компот от своих ананасов тащи, – распорядилась Ева, завалившись на диван с пультом от телевизора. Всё, что у Славы обычно бывало в холодильнике, – это пара банок консервированных ананасов. Он обожал их, а потому любимое лакомство всегда было припасено на всякий случай. Правда, благодаря кошке Элизе, в его доме стали водиться запасы курятины.

Первое время Еву убивала «бабушкина» обстановка в квартире, где жил молодой парень. Девушке категорически не нравилась ни бежевая расцветка обоев в цветочек, ни мягкая мебель в коричнево-зелёную клетку, ни палас, который был единственным ярким предметом в комнате, но его пестрота только казалась неуместной и нисколько не радовала глаз. Тем не менее, здесь ей было намного уютнее, чем в собственной комнате, которая недавно преобразилась благодаря фиолетовым обоям, шторам цвета фуксии и десяткам рамочек с фотографиями близняшек, которые настолько тащились от себя, что не постеснялись превратить комнату в галерею имени себя.

Не успела Ева найти что-нибудь более-менее интересное из того, что транслировалось по телевидению, как в комнате нарисовался Слава с двумя кружками, от одной из которых шёл пар. Он протянул Еве компот, оставив себе кофе, аромат которого смешивался со сливочным ароматом мороженого. Слава, не выпуская свой напиток из рук, снова пошёл на кухню за конфетами, отхлёбывая на ходу кофе. Молодой человек обладал исключительным талантом официанта. С полной чашкой горячего кофе он мог выполнять самые разнообразные трюки, не пролив при этом ни капли напитка.

Слава поставил вазочку с печеньем и конфетами на небольшой сервировочный столик и сел на диван, не нарушая личного пространства гостьи. В это время в комнату вошла Элиза. Она потянулась, зевнула, без интереса посмотрела на Еву и запрыгнула на коленки к Славе.

– Ты посмотри какая наглость! – прокомментировала Ева поведение кошки. – Даже не поздоровалась со мной! Элиза Вячеславовна, между прочим, это я вас подобрала с холодной улицы!

– Подобрала и отдала, – уточнил Слава. – А папку своего она любит.

В знак согласия мурлыкающая кошка моргнула. Еве было обидно, но ничего поделать она не могла. Да, она подобрала котёнка, принесла его домой, где ей его не разрешили оставить, поскольку Ася и Вика ужасно мучаются от аллергии на кошачью шерсть. Вот Ева и нашла Элизе заботливого хозяина, который хоть и ничего против питомцев не имел, заводить их себе не собирался.

Всю свою жизнь Ева умоляла мать завести собаку, но Галина Николаевна в принципе питала отвращение к этим животным, а рыбки, крысы и птички как домашние любимцы

не устраивали Еву. Так и страдала она оттого, что не может приласкать ни одно пушистое создание.

Элиза была избалованной и довольной жизнью кошкой. Её можно было назвать корпулентной дамой, ибо за два года она подросла и вдоль, и вширь. Она казалась породистой кошкой со своей мягкой длинной дымчатой шерстью, которая лишь на ушках и на лапках перетекала в шоколадно-коричневый оттенок. Но больше всего поражали её ярко-голубые глаза с игривым кокетливым взглядом.

– Завидую я тебе! Когда у меня будет своя квартира, первым делом заведу собаку или кошку!

– В чём проблема? По-моему, ты достаточно взрослая, чтобы съехать от мамы и сестёр хоть завтра, – сказал Слава, отхлёбывая кофе и гладя Элизу.

– Проблема в том, что мне жалко ползарплаты сливать на съёмную квартиру. Я не так много зарабатываю.

– Ты сама променяла свободу на деньги.

– Тебе легко говорить. Ты учишься на бюджете, у тебя нет двух младших сестёр, которым тоже приспичило получать высшее образование (я уверена, что папаша оплатит им только один семестр, иначе твоя… мать устроит бунт) и которые при этом работать не собираются, и вообще ты не девушка: у тебя нет столько потребностей!

– О, да! Куда мне до твоих потребностей! – усмехнулся Слава.

– Твой сарказм не уместен. У тебя из средств по уходу за телом – только мыло. Ты не ходишь на маникюр…

– Ты тоже не ходишь, – перебил Слава.

– Иногда хожу! – настаивала Ева. – Мужские стрижки стоят дешевле женских. У тебя все ботинки чёрные, а потому тебе достаточно одной сумки…

– Что тебе мешает покупать чёрную обувь?

– Не хочу я носить только чёрную обувь! В этом-то и разница между мужчинами и женщинами, – горячо подытожила Ева.

– Ладно, не кипи. Мне проще, хоть я и тщетно пытаюсь скопить на новую машину, тоже работаю и, в отличие от тебя, пропускаю гораздо меньше пар. Ты опять со своими поругалась?

– Я и не мирилась, – лицо Евы стало угрюмым.

– Ну, переезжай ко мне. Я отдам тебе комнату без телевизора, – предложил Слава, щедро размахнувшись рукой, в которой держал чашку. Ева больше не остерегалась его широких жестов, будучи уверенной, что Слава её не ошпарит.

– Не говори глупостей, – резко потребовала Ева.

– Серьёзно. Если ты не будешь захламлять мне ванную своими средствами от всего и для всего, я совсем не против.

– Я уже захламляю своей зубной щёткой, – напомнила Ева, подловив на этом Славу, который якобы не стал бы мириться с множеством тюбиков и флакончиков.

– Щётка – это предмет первой необходимости.

– Кстати, как ты своим девкам объясняешь присутствие моей зубной щётки в своей квартире?

Слава проглотил грубое словечко «девки», так как в этом была вся непримиримая Ева.

– Ну, я говорю, что одна зубная щётка у меня для верхней челюсти, а вторая – для нижней.

– И как?

– Не верят! Представляешь? – Слава выпучил глаза, словно уличить его во лжи невозможно, чтобы придать своей безумной версии больше правдоподобия.

Ева улыбнулась, приоткрыв жемчужные зубы.

– А сиреневые тапки ты, должно быть, на второй паре ног носишь? – Ева прикусила язычок. Это одна из её привычек, которая казалась Славе милейшей: отпускать острую шутку, слегка прихватывая зубами кончик языка.

– Зачем такие сложности? На руках! – пояснил Слава.

– Я не хочу жить твоими подачками, потому не перееду к тебе, хотя мы бы ужились вместе.

– Я могу сдавать тебе комнату, тысячи за две, но тогда в проживание будет включено питание, – изменил своё предложение Слава.

– Мне неудобно отказывать, но ты будешь мешать моей личной жизни, – шутливым тоном произнесла Ева, но Слава ничуть не смутился.

– В чём проблема? Разве наш славный доцент Глебка не думает, что я твой двоюродный брат? – издевательски напомнил Слава. – А, большая лгунья?

– Глебка-то думает, а вот, – тут Ева опомнилась, что так и не позвонила Андрею и театральным жестом ударила себя по лбу.

Девушка вскочила с дивана и понеслась в прихожую, где бросила свою сумку. Достав мобильник, она вернулась к наблюдавшим за её резкими движениями Славе и его доче Элизе.

– А теперь полная тишина, – распорядилась она, набирая номер Андрея.

Слава застыл не то от интереса, не то от удивления.

– Привет, Андрюш. Я уже дома. Нет, давно приехала, просто мне Кира звонила. Да, та самая, – щебетала в трубку Ева. Слава смотрел на неё с насмешливо-снисходительным выражением лица, которое пробуждало в Еве одновременно злость и стыд.

«Чего ты так смотришь, моралист хренов?!» – кричали глаза девушки в то время, как её приветливый голос оставался мягким и ровным:

– Я тоже скучаю. Люблю. Давай завтра созвонимся, а то мне Ася и Вика не дадут нормально поговорить!

Ева окончила разговор и, сердито захлопнув мобильник-раскладушку, посмотрела на Славу, который выдерживал паузу и, казалось, вот-вот рассмеётся во всё горло, а от его баса затрясутся стены комнаты. Девушка поправила волосы, готовясь обороняться.

– Ну, говори! – громко сказала она.

– Я только хотел поинтересоваться, Глеб-то ещё не вернулся в Тулу?

– Нет, – ответила Ева, надеясь, что пытка пройдёт быстро и безболезненно.

– А когда вернётся, его ждёт большой сюрприз, – предположил Слава, словно уже представляя, как Ева даст бедняге от ворот поворот.

– Будет видно. Я не думала об этом.

– Ещё бы! Зачем? Может, удастся совмещать? – эта фраза прозвучала из уст Славы не так шутливо, но более презрительно.

– Не говори глупостей! Я не настолько двуличная.

– Что за *Андрюша*? – полюбопытствовал Слава, передразнивая интонацию Евы.

– Очень хороший человек. Учится в Москве. Красавец. Высокий, выше меня, накаченный, в общем, то, что надо!

– Лет ему сколько? – деловито продолжала задавать вопросы Слава.

– Наш ровесник.

– О, *дорогая*! Поздравляю, это ненадолго! Встречаться с ровесником противоречит твоим принципам, – язвительно напомнил Еве её же слова Слава.

Ева крепко сжала челюсти. Этот снисходительный тон, которым было произнесено обращение «дорогая», эти насмешки над её принципами сердили девушку. Да, Ева выбирала себя парней по двум критериям: рост и возраст. В обоих случаях, эти параметры должны быть больше, чем у неё самой. Слава же оставался абсолютно спокойным, потешаясь над ней. Он пил свой кофе и непроницаемыми глазами смотрел на собеседницу.

– Мои принципы! Что хочу с ними, то и делаю. А, может, и вовсе их поменяю!

– Да, твоя принципиальность достойна восхищения, ибо обычно людям не удаётся сочетать её воедино с гибкостью!

– А если я влюбилась? Я такого к Глебу не испытывала уже давно, – попыталась оправдать себя Ева.

– И что? Это повод так предавать нашего служителя науки и образования? Почему по-человечески не расстаться, если ты его уже давно не любишь? – Слава провоцировал Еву на простое земное объяснение, в котором бы ничего не говорилось ни про любовь, ни про прочие чувства, так как он не верил, что Ева может любить и чувствовать что-то по-настоящему, поскольку ею движут исключительно быстро проходящие страсти.

– Глеб как качественный хороший ноутбук, которым я вынуждена пользоваться, поскольку на желаемую модель у меня не хватает денег! – выпалила она. – Считай, что судьба сделала мне подарок.

– Ладно, не ори. Кто я, чтобы тебя судить.

«Сначала доведёт, а только потом появляются такие здравые мысли!», – ворчала про себя Ева.

– Ты дочь своего отца! Думаю, у вас схож образ мыслей, а потому поступишь ты так, как поступил он.

Чёрные глаза Евы зажглись страшным огнём. Самым обидным оскорблением для неё было сравнение с отцом. Она презирала Павла Петровича Звягинцева настолько, что сменила его фамилию на девичью фамилию матери. К тому же она никак не могла и даже не хотела изглаживать из памяти тот день, когда отец, предпочитающий не видеться с дочками, познакомил её и Асю с Викой со своей новой женой и новорождённой дочкой одновременно. Как пренебрежительно Татьяна обращалась с ними! Ева вспылила и наговорила много чего неприятного под действием гормонов и переполоха чувств, переживаемого в переходный возраст. Отец ударил её. Шлепок от пощёчины повис в тишине. Так была поставлена жирная точка в отношениях.

С тех пор ни отца, ни его новую семью она не видела. Ася и Викуся поддерживали отношения с людьми, от одной мысли о которых Еву тошнило, причём это было не стремление их юных сердец, а простой расчёт меркантильных мозгов. Они прекрасно знали: чем лучше себя покажут перед папой, тем на большее материальное вознаграждение могут рассчитывать. Так, они получали подарки в форме определённых сумм в российских рублях на свой день рождения, новый год и восьмое марта. В отношении Евы Павел Петрович выплачивал только алименты вплоть до её совершеннолетия, большее ей не полагалось. На его помощь в оплате обучения Ева даже не претендовала, хотя ей известно, что Галина Николаевна говорила с ним об этом, но он наотрез отказался оплатить хотя бы один семестр, отчего финансовое бремя, неотделимое от учебного процесса, легло на первокурсницу.

– Да я никогда не поступлю, как он! – завопила Ева.

– Неужели? – Слава говорил ядовито, желая ещё помучить подругу. Он редко бывал таким жестоким, но Ева не замечала, что он уж слишком беспощаден к ней, так как терзалась собственными противоречивыми мыслями. Слава посеял в её душе сомнение.

– Я вообще-то не замужем и клятв верности не давала! И детей у нас нет! – привела весомый аргумент Ева.

– Ева, будь ты хоть двадцать лет замужем и имей пятерых детей, тебя бы это не остановило. И ты это знаешь лучше меня. Твоя страстная натура никогда не поставит обязательства выше вспышек чувств.

– Неправда! – жалобно воскликнула Ева, как обезоруженный ребёнок, которому так и не удалось тут же выпросить у родителей понравившуюся в магазине игрушку.

– Поживём – увидим.

– Ну, всё! Мне стыдно. Хватит.

– Охотно верю, – удовлетворенно признался Слава.

– Скажи, ты мне такие испытания устраиваешь из-за мужской солидарности?

– Меньше всего из-за этого. Глеб твой – олух. Он тебя не знает и не понимает и, как идиот, верит, что я твой брат. Андрюша, видимо, не лучше, если он покупается на твой мышиный писк в трубку и не видит, какая ты бессовестная лгунья! Я дуракам не сочувствую. Тебя жаль.

– Хо-хо! Это из жалости ты мне тут всего наговорил?! – Ева не понимала подобного проявления сострадания.

– Разумеется. Ты ведь не понимаешь, что тебе нужно. Рост? Тебе ни с одним из них в баскетбол не играть. Возраст? Тут я вообще отказываюсь строить какие-либо догадки. Ты ведь не извращенка? Или тебя всё-таки возбуждает дряблое потрёпанное вредными привычками тело? Пойми одно: нельзя быть счастливой с человеком, с которым не можешь быть честной.

– А если я в принципе не могу быть честной?! – Ева развела руками, удивлённо вздёрнув брови вверх и в очередной раз подскочив на диване.

– Хватит ёрзать.

– Вот сколько раз в день ты врёшь?

– Я в принципе не умею врать. Ты же знаешь.

– Все врут. А иногда я просто не могу сказать правду. Мама до сих пор не знает, что папаша влепил мне пощёчину! Я уже не говорю о том, что у меня никто не в курсе, как каждую сессию я оказываюсь на грани отчисления! А быть откровенной с Глебом. Он сознательно ценит правду, но бессознательно минут пять будет орать, как псих, если ему эта правда не понравится.

– Сколько же ты врёшь мне? – спросил Слава, и глаза его засветились каким-то хитрым огоньком.

– Тебе, между прочим, никогда не врала. Ты адекватно реагируешь на правду, – Еве стало неловко, как бывает всякий раз, стоит ей искренне признать чьи-то достоинства, поэтому она поспешила отвести взгляд и вспомнить, что она хочет спать. – И вообще давай ложиться спать.

– Полвторого. Завтра выходной, – так прозрачно Слава намекнул, что можно ещё и посидеть, а отоспаться завтра.

– Не, я в последнее время не высыпаюсь.

– Ну, ложись. Или, может, тебе колыбельную спеть?

– Твоим голосом только колыбельные и петь! – усмехнулась Ева.

– Где полотенца, ты знаешь, – Слава не собирался вставать с дивана и ухаживать за гостьей, ибо позволял ей чувствовать себя как дома.

Ева потянулась, отчего задралась рубашка, и встала с дивана. Оправляя одежду, Ева вспомнила, что у неё нет с собой пижамы, а спать в узких джинсах-дудочках совсем неудобно.

– Вставай, увалень! Дай мне футболку и шорты. Мне сегодня не в чем спать. Я как-то не планировала ехать к тебе.

– Шорты ей подавай, – брюзжал Слава, аккуратно перекладывая Элизу с колен на диван.

«Знал бы ты, какие неприличные кружевные трусики на мне, поделился бы шортами быстрее», – подумала Ева.

– Ты ведь не хочешь, чтобы я светила голым задом!

– Фу, Ева, как это пошло звучит, – одёрнул её Слава и ушёл в спальню ворошить свой гардероб.

– Надо будет привезти сюда пижаму, – рассуждала вслух Ева, доставая полотенце из старенького комода.

– Пора бы целиком переехать, – отозвался Слава.

Спустя минут пять он принёс ей полосатую футболку и чёрные шорты.

– Подойдёт? – спросил он.

Ева прикинула на себя шорты, и сделала вывод, что они длинноваты.

– А покороче нет? – спросила она

– Корче и розовее у меня нет! – смеясь, заявил Слава. – На мне они ещё длиннее.

– Спасибо, – поблагодарила Ева и ушла в ванную.

Когда она вышла из душа, Слава копался в своей видеотеке, подыскивая какой-то фильм.

– Спокойной ночи, – пожелала ему Ева.

– Отлично выглядишь, – подколол её Слава, зная, как она терпеть не может свободные вещи, скрывающие фигуру. – Может, киношку посмотришь?

– Нет, я спать.

Ева легла в кровать, но, как назло, сонливость испарилась. Сначала она чувствовала себя счастливой, прокручивая в голове те события дня, которые были непосредственно связаны с Андреем. Люди с богатым воображением могут переживать приятные моменты несколько раз: сначала реально, а потом в своих ярких воспоминаниях, воскрешая в точности те чувства и физические ощущения, которые уже были пережиты. Поскольку Ева таковым воображением не обладала, то раздумья о Воронцове перестали приносить радость. Она помнила, как он смотрел на неё, но теперь не могла представить в его взгляде то, что видела, прощаясь с ним. Неудовлетворённость и недовольство собой заставили сменить объект размышлений.

Теперь более-менее отчётливо вырисовывался образ Глеба. Откровенно говоря, Ева предпочла бы совсем его не вспоминать, но так вышло, что он существовал в её голове в какой-то неразрывной связи с Андреем. Раньше она думала, что превосходно знает Глеба, не отличающегося ни выдающейся внешностью, ни качествами характера. Но сейчас, лёжа в тёмной комнате, Ева стала сомневаться в том, что так досконально изучила своего молодого человека.

Как он отреагирует? Что он сделает? Она могла представить, что Глеб будет орать на неё. А вдруг он может ударить, если задеты его собственнические чувства? А что, если он не станет с ней говорить и просто отпустит, как будто бы она ничего для него не значит? Последняя догадка огорчила её больше всего. Ева допускала возможность, что Глеб ей совсем не дорог и была готова объявить ему об этом, но если он так поступит по отношению к ней, то это очень обидно.

Еве безумно хотелось значить как можно больше для каждого человека, с которым она была знакома. Ей были приятны мысли, что если вдруг её не станет, все будут безутешны, будут чувствовать образовавшуюся пустоту, будут вспоминать о ней. Только вот Ева впервые задалась вопросом, а что о ней будут вспоминать.

Галина Николаевна, её мама, оставит воспоминания о том, как Ева молча сидит на кухне с книжкой, чтобы не разговаривать, или перечит ей. Асе и Вике наверняка ничего на ум не придёт, кроме кладовки, в которой старшая сестра их запирала и продолжает запирать по сей день. Глеб тоже наверняка будет вспоминать только ссоры, бесконечные ссоры и оскорбления. Отец вспомнит то, как он ударил Еву, а его жена скажет: «Слава богу, что её вообще больше нет». Андрей… Он вообще не вспоминал о ней три года. Изменит ли что-то одна неделя?

Слава пытался вникнуть в фильм, но больше диалогов его волновало шевеление за стенкой. Он слышал, как ворочается Ева, потому что скрипел старый матрас, и беспокоился, что ей тревожно из-за разговора с ним. Слава не хотел её расстраивать, просто он немного вышел из себя, чего Ева даже не заметила. Ох, как не права была его мать, когда говорила о Еве! Просто Ева оказалась лицом к лицу со взрослой жизнью намного раньше, чем следовало. Она усвоила уроки, как выживать, а потому оставила только то, что помогало ей в этом. Она научилась лгать и притворяться, быть сильной и грубой. Но только Ева не понимала, чтобы *жить*, а не выживать нужно иметь более богатый внутренний мир.

– Хорош ворочаться! Топай сюда, – сдержанно крикнул Слава, чтобы не перебудить соседей.

За стенкой стало совсем тихо. Он догадался, что Ева думает. Но потом послышался топот голых пяток.

– Подушку только прихвати, – поспешил добавить Слава.

Раздалось недовольное сопенье, потом шаги, скрип кровати и снова шаги.

– Двигайся, – сказала Ева, ложась рядом со Славой.

Рассчитывающая на двойную порцию ласки Элиза легла между ними.

– О чём фильм?

– Судя по всему о мертвяках, которым приспичило мстить за погубленную жизнь всему человечеству, – ответил Слава.

– Слав, а если меня не станет, что ты будешь вспоминать обо мне? – в лоб задала вопрос Ева.

Его глаза расширились от удивления. Что только творится в её хорошенькой головке?! Откуда такие вопросы, если час назад она была пьяна от влюблённости к какому-то Андрюше?!

– Может, комедию поставить? – предложил Слава, приподнимаясь с подушки.

– Ты не ответил! – сосредоточенно сказала Ева. В её лице было столько напряжения, как будто этот вопрос исключительно важен для неё. Когда Ева о чём-то долго и мучительно думала, черты её красивого лица преображались, из глаз исчезала холодность и жестокость, и они становились какими-то по-детски доверчивыми.

Слава был растерян. Он понимал, что душевное состояние подруги не в порядке теперь, и от него требовался ответ, который порадовал бы её. Ему хотелось обнять её, но он всегда опасался, что Ева превратно растолкует его объятия. Она очень агрессивно относилась к любым попыткам прикоснуться к ней со стороны тех людей, чьих прикосновений ей ощущать не хотелось. Ева слишком красива, и из-за этой красоты она чувствовала влечение мужчин даже через безобидное на первый взгляд рукопожатие, а потому могла искренне ценить лишь тех, кто не домогался её тела.

– Ну, я бы вспомнил, как ты притащила мне Элизу и ультимативно заявила, что она будет жить со мной. А ещё, твой праздничный красный плащ, в котором ты была на первом сентября первого курса. Как ты уделала всю нашу компашку в бассейне и не призналась, что занималась плаванием, поэтому плывёшь, как торпеда. Как ты притащила тапочки и щётку. Как ты готовила нам ужин. Ты ведь терпеть не можешь кухню, но совершила подвиг, чтобы не давиться ананасами. И наши бесконечные разговоры. Мы ведь говорили обо всём. Иногда мне даже цитировать тебя хочется, хоть ты и страшный циник.

Слава внимательно смотрел на Еву, ожидая, какая последует реакция.

– Ладно, давай смотреть фильм, – довольно улыбнувшись, сказала Ева и, собрав волосы, легла на подушку. Она была полностью удовлетворена ответом.

А немножко раздосадованный Слава вздохнул спокойно, поскольку никаких бурь на его голову не надвигалось.

Фильм был настолько интересный, что Ева напрочь забыла его сюжет, стоило ей уснуть на середине. Она проснулась от того, что кто-то резко схватил её за щиколотку. В испуге она подскочила с бешеными глазами, резко выкинув вперёд свободную ногу. Послышался грохот падающего на пол тела. Это Слава, увёртываясь от неожиданного пинка после своей шутки, свалился с дивана.

– Носов, ты дебил! А если б у меня инфаркт случился?!

– Не случился же, – тяжело дыша, отозвался Слава, заползая на диван.

– А если б я тебя убила?!

– Было бы очень жаль, потому что я не успел бы спросить, что бы ты вспоминала обо мне. Ну, ты дикая вообще!

– Выходки у тебя дебильные! А где Элиза?

– На кресле спит.

Они оба рассмеялись. Шутка всё-таки удалась. Ева ударила его подушкой, после чего завязалась настоящая бойня мягким лёгким оружием. Элиза наблюдала несколько минут за детьми-переростками, мешающими ей спать, после чего ушла в спальню, чтобы не видеть этой деградации мысли.

Глава 3. Если бы дети не так сильно походили на родителей…

Ева с трудом разлепила сонные веки, чтобы найти телефон, который не удалось нащупать рядом с собой с закрытым глазами. Пришла смска от Глеба. Невидящими глазами она смотрела на текст сообщения, понимая только одно: человек, который писал это, теперь ей совсем безразличен, к тому же он так далеко.

Она потянулась на скомканной простыни и посмотрела на циферблат настенных часов, таких же старых, как и все предметы интерьера в этой комнате. Была только половина одиннадцатого утра. Совсем рано для тех, кто до четырёх утра бесился с подушками. Очевидно, что Ева заснула раньше под какую-то глупую передачу, которую включил Слава, а потому он уступил ей диван и ушёл спать в другую комнату.

Ева закрыла глаза и попыталась заснуть, но сон не шёл. Было уже слишком светло, и как будто солнце уговаривало подняться с дивана, дабы не терять бесценные минуты этого ясного дня.

Освежившаяся прохладным душем, девушка стояла перед открытым холодильником, изумляясь, как её друг может так скудно питаться. Еве нравилось вкусно поесть, лишь бы только самой не приходилось готовить. Увы, Слава не был столь внимателен к тому, что ест. Он мог питаться исключительно бутербродами, проглатывая их, не замечая вкуса. Еда для Славы – что-то вроде батарейки. Неважно какая, главное, чтобы энергию давала.

Ева сделала себе бутерброд и налила чай. На кухню вышла Элиза и уставилась огромными кошачьими глазами на девушку.

– Есть хочешь? – спросила Ева.

Элиза не умела просить. Кошка вообще не подозревала о том, что людей ещё надо просить о чём бы то ни было. Они сами должны понимать, когда питомец хочет есть, когда играть, а когда ему нужно немного ласки.

Ева снова полезла в холодильник. Ей удалось отыскать кулинарный шедевр, на который оказался способен Слава: отварное куриное мясо. Ева понюхала кошачье яство. Пахло совсем недурно, помимо соли заботливый кошачий папочка догадался добавить ещё каких-то специй. Девушка наложила порцию курятины Элизе, и они принялись за совместную трапезу.

После завтрака Ева засобиралась домой. Ей некуда и незачем было торопиться, но Слава, как и обещал, отсыпался, а потому было скучно. Скука стала периодически преследовать Еву, стоило ей бросить плавание. Казалось бы, она работала, пыталась учиться, вела довольно динамичную личную жизнь, но избавиться от тягостного ощущения тоски не всегда удавалось.

Пока в её жизни был спорт, всё было просто. Больно – плыви. Не знаешь, что делать – плыви. Хочется плакать – плыви. Тебя предали – плыви. Жизнь дерьмо – плыви. Дозировка этой уникальной пилюли от всего: от любви, от страданий, от депрессии, – зависит от степени заболевания. И Ева много плавала, особенно после ссоры с отцом. Она была не в силах думать о том, что вся её жизнь изменилась навсегда, о своём унижении от той пощёчины, о потери отца и его предательстве. Мысли были настолько мучительными и настойчивыми, что от них не удавалось избавляться на уроках в школе, а потому пятнадцатилетняя Ева с безразличием относилась к заданиям, была невнимательной и хватала неудовлетворительные отметки. Но она приходила в бассейн и ни то что целиком посвящала себя тренировке, а изматывала себя до того, что единственным желанием было добраться до кровати и рухнуть на неё без сил. Тогда уже не мучила ни бессонница, ни дурные сны.

Теперь всё было иначе. Без бассейна приходилось думать о том, что не стоит раздумий, и это Еву огорчало. А от скуки она делала глупости, о которых надо было бы жалеть, но она не жалела, так как не обременяла себя прошлым.

Решение пришло внезапно в результате инсайта. Ева осознала, что ей просто необходимо сходить в бассейн и поплавать, хотя бы немного. Она быстро собралась и перед тем, как уйти, зашла в спальню к Славе.

Он спал, уткнувшись лицом в подушку, так что у Евы не было шансов определить, хорошие ли сны ему снятся. Слава был укрыт по плечи, а лёгкий ветерок из форточки играл его шевелюрой.

– Здоров ты, батенька, спать, – громко сказала Ева, надеясь разбудить его, но Слава даже не пошевелился.

Ева с интересом приняла затею отогнать сон от друга, но ей не хотелось разбудить его, если он, действительно, крепко спит. Она хлопнула в ладоши, наблюдая за реакцией Славы. Впрочем, на него это тоже никак не подействовало. Тогда девушка присела рядом с ним на кровать и бережно потрепала его по плечу. Теперь Слава только перевернулся с живота на бок, пошевелив во сне плечом, к которому прикасалась Ева.

– Богатырский сон, – подытожила Ева. – Только вот ты нифига не богатырь.

Пребывая в хорошем расположении духа, Ева оставила Славу в покое. Она отыскала у него на журнальном столике тетрадь, которая была толстой и предназначалась для вырывания листов. Правда, в этой тетради Ева обнаружила первую лекцию по «Культурному наследию Тульского края», которая загадочным образом обрывалась, завершая, таким образом, весь курс по данной дисциплине. Ева написала на двойном листке записку, аккуратно выводя буквы, хотя почерк у неё был отвратительный. Девушка очень мало писала. Она настолько привыкла пользоваться нетбуком, что ручка казалась ей атрибутом из каменного века.

«Я тебе приснилась. И не забудь: меня здесь не было!»

Так она заставила Славу вступить с ней в сговор, как обычно, не спросив его согласия. Впрочем, ей ничего другого не оставалось, поскольку Андрей превосходно знает, что никаких братьев, ни родных, ни двоюродных, у неё нет.

Ева надеялась заскочить домой буквально минут на пятнадцать, чтобы собрать сумку для бассейна, однако она при этом не учла, что её планы слишком подвержены влиянию таких факторов, как Ася и Вика. Едва ей стоило переступить порог квартиры, в прихожей нарисовалась Ася с язвительными замечаниями:

– Интересно, где это у нас ночует Ева в то время, как любящий Глеб скорбит по тётушке в Брянске?

– Не надейся меня пристыдить, – равнодушно отреагировала Ева на вызов младшей сестры. – К тому же стыдиться мне нечего. Я была не там, где ты думаешь.

Из Андрея поучился неважный партизан. Он рассекретил их отношения в семейном кругу Евы, дав тем самым повод позлословить её сёстрам. Асе было плевать, обманывает ли Ева Глеба или Андрея, или их обоих, но она чувствовала, что старшая сестра поступает плохо, а потому была безудержна в своих обвинительных речах, осознавая степень их правоты.

Однако, стоило Еве признаться, что не от Андрея она вернулась столь счастливой, что даже не намерена вступать в пререкания, боевого духу у Аси поубавилось. Она вспыхнула, потеряв ту каплю хладнокровия, которая необходима ведущему бои полководцу.

– Разумеется! Ещё же есть *Славик*! – её писклявый голос прозвучал с такой желчной интонацией, которая выдавала то личное, что Ася сокровенно хранила внутри себя, однако Еве никогда ни голоса, ни интонации сестёр не казались особенно приятными, поэтому она не обратила внимания на то, как разительно отличались друг от друга те две реплики, с которыми встретила её Ася.

Ева прошла мимо сестры в ванную, чтобы помыть руки, небрежно отвечая ей:

– Браво! Соображаешь ты сегодня неплохо, что удивительно.

Ева стряхнула с пальцев поду, после чего взялась за полотенце. Ася пришла за ней ванную по пятам. Теперь единственной её целью было причинить боль Еве, чтобы та не расхаживала с таким уверенным и умиротворённым видом.

– Ох, Ева! Зачем же опускаться до такого невзрачного простачка, как Слава?! Он даже не оценит тебя по достоинству, ему ведь сравнивать не с чем!

Ева привыкла слышать от Аси, как та оскорбляет Славу, и ей было отрадно, что Славка не ладит с её младшей сестрой. Он вынужден был общаться с Асей, когда они пересекались в доме её отца и его матери, и, судя по тому, как нелестно отзывалась о нём Ася, поладить им не удалось. Ева бы посочувствовала ему, но не считала это нужным, поскольку он видится с её младшими сестрёнками раз в месяц по обещанию, а ей приходится жить с ними и терпеть их выходки изо дня в день.

– Я поздравлю его с тем, что ты так к нему относишься. Если бы он тебе хоть немного нравился как человек, ему пришлось бы тяжко: выносить твои притязания хуже, чем слушать от тебя гадости.

– Не смей ему ничего говорить! – вдруг перебила её Ася.

– А что так? – Ева приподняла брови, изображая удивление, поскольку такой реакции требовала ситуация. На самом же деле её не интересовало, что твориться в голове Аси, и почему она предпочитает поносить человека за глаза, а не высказывать своё отношение к нему в лицо.

– А впрочем, можешь так ему и передать! – Ася поторопилась навести на себя вид, будто бы ей безразлично, узнает ли Слава, что она о нём говорит и как он отреагирует на это. Она испугалась, что Ева *всё* поймёт из-за допущенной неосторожности, а потому стояла в ожидании злобной выходки от сестры.

– Непременно, если не забуду, – холодно сказала Ева, даже не посмотрев на зардевшуюся румянцем Асю. Ева никогда не обращала внимания на то, что говорят сёстры. Она сомневалась, что кто-нибудь из них произнесёт стоящие осмысления слова, ибо, как рассудила Ева, в свои семнадцать лет девчонки умственно эволюционировали только до курицы.

Вика болтала с кем-то по телефону, лёжа на кровати. По обрывкам фраз Ева поняла, что у сестры завёлся ухажёр, а потому она слишком занята, чтобы поддерживать Асю в атаках на старшую сестру. Этот факт не то что бы обрадовал Еву. Скорее всего, она была потрясена тем, что кто-то может влюбиться в Вику, которая выигрывает в чьих-то глазах исключительно на фоне Аси и то не всегда.

Ася тоже внезапно притихла, не намереваясь развивать опасную беседу. Она вынуждена была капитулировать, дабы не открыть Еве своё слабое место, место, удар в которое она не переживёт, не стесняясь при любой возможности давить на больную мозоль Евы.

С кухни шёл пробуждающий аппетит аромат, из-за которого усилившееся пищеварение быстро переварило съеденный Евой бутерброд. Она зашла на кухню, где Галина Николаевна колдовала над обедом.

– Привет, – поздоровалась Ева, будто бы вчерашней ссоры не было. – Чем это таким вкусненьким пахнет?

– Суп-пюре из фасоли, – учтиво ответила Галина Николаевна.

Это означало примирение сторон. Они обе не умели подолгу держать обиды и не умели просить прощения, ибо признание своей вины для каждой из них было сильнейшим ударом по самолюбию. Поэтому всякий раз они делали вид, будто бы ничего не произошло, тем более, что размолвки, заканчивающиеся скандалами, происходили слишком часто.

Ева чувствовала, что у них с матерью весьма специфические взаимоотношения, отчего не было той степени взаимного доверия, которая необходима, чтобы знать о жизни друг друга всё. Ева была не в курсе, как проходила молодость матери, которая не считала нужным

делиться с дочерью своим жизненным опытом. А вот привычка держать секреты о матери, которую имела девушка, развилась из чувства гнетущего страха, испытываемого перед Галиной Николаевной. В детстве Ева до ужаса боялась свою мать-инквизиторшу. Галина Николаевна была строга в воспитании дочерей. Она не прощала девочкам шалостей, часто наказывала и никогда не баловала их, пребывая в уверенности, что они вырастут образцово-показательными девушками, но при этом всегда будут покладисты в отношении с ней, с матерью.

Однако Ева, остерегаясь гнева матери, первая сообразила, что совсем необязательно быть с ней откровенной. Её молчание или безобидная ложь позволяли избегать конфликтов с Галиной Николаевной, которая, тем не менее, не переставала гордиться тем, что знает о своих дочерях всё, и не замечала, как семимильными шагами отдаляется от неё Ева. Не заметила она, как после развода изменилась старшая дочь. Ева по-прежнему не доставляла хлопот, ездила в бассейн и посредственно училась в школе, не подавая никаких признаков того, что в её маленьком мире произошёл ядерный взрыв. Однако её душа уже не была ровным листом проката, а стала куском покореженного металла.

Ева не могла открыть матери того, что беспощадно терзало её. Рассказать о том, как поступил с ней отец, как ей больно из-за его отношения, что в классе с ней никто не дружит, кроме Киры, что её считают некрасивой, казалось немыслимым. Ева предполагала, что мать назовёт её эгоисткой, которая из своих незначительных детских переживаний раздувает несуществующие проблемы.

С раннего детства повелось так, что Галина Николаевна могла успокаивать расстроившихся девочек только одним образом: она говорила, что все причины их детских страданий – глупость. Взрослым приходится гораздо труднее. Поэтому Ева решила, что при явном безразличии к детским и отроческим проблемам, проявленном её матерью, лучше ничего о них не говорить, ведь ей никогда не становилось легче оттого, что её боль называли глупостью. Разве могла Ева признаться матери, что влюблена в одного парня из школы, который видит в ней лишь приятеля по волейболу? Галина Николаевна сказала бы, что её вообще муж бросил, и поэтому муки Евы – ничто в сравнении с тем, что пережила её мать.

Ева вынесла лишь один урок. Твои страдания не становятся меньше только оттого, что кто-то, пусть даже мама, назвал их крошечными. А потому девушка решила, что не хочет быть похожей на свою мать, в особенности в части проявления материнских чувств.

Галина Николаевна – сложный человек. Пожалуй, это наиглавнейшая черта её характера, которая приходит на ум каждому, кому довелось пообщаться с ней минут пятнадцать. Эта сложность состояла в том, что с ней совсем непросто общаться. Всякого рода трудности неминуемо возникают в разговорах, в работе, в быту с ней. Но при всём этом Галина Николаевна – интересная и привлекательная женщина. Она разговорчива, а не болтлива, эрудированна, а не просто образована, и, разумеется, в ней есть изюминка, точнее говоря, килограмма два изюма, больше чем в кексах.

В преддверии своего пятидесятилетия Галина Николаевна выглядела так, что ей едва ли можно было бы дать сорок лет. Тридцать восемь – пожалуй, тот возрастной предел, которому могли бы поверить глаза. С годами она не утратила своей красоты, которая стала более зрелой, окрепла и придавала уверенности в себе своей обладательнице. Стройная фигура, модельная стрижка и стильная одежда производили должный эффект, привлекая внимание к Галине Николаевне. Она легко сходилась с людьми, отличалась эмоциональностью и поразительной мимикой. Любой рассказ из её уст хотелось дослушать до конца, ибо он сопровождался такими мощными эмоциями, на которые способно лишь подвижное лицо и арсенал интонаций Галины Николаевны.

Она работает учительницей экономики и географии в гимназии. Но чудо не в том, что такая женщина посвятила себя образованию и воспитанию незрелых умов с её-то потенциалом

на великие дела, а в том, что её, действительно, уважали ученики, среди которых не было ни одного лоботряса, позволившего себе дурно отозваться о Демидовой Галине Николаевне.

При всех её достоинствах, она оставалась свободной разведённой женщиной, вызывающей недоумение своим положением у окружающих. Впрочем, домашние не видели в этом чего-то фантастического и рокового, ведь дочери знали и другие, не выставляемые напоказ стороны матери.

Галина Николаевна признавала только одну точку зрения – свою собственную.

Она держалась самого высокого мнения о себе, и до этой планки никто на всей планете допрыгнуть не мог.

Она никогда не сомневалась в своей правоте.

Она лезла в чужую жизнь, не спрашивая на то разрешения.

Она не прощала обид и была злопамятна.

Она постоянно всех поучала и переделывала под свой вкус.

Упряма.

Заносчива.

Непримирима.

По всей вероятности, от этого, а не от красивой и интересной женщины ушёл Павел Петрович. И уж, несомненно, карьера экономиста не сложилась у Галины Николаевны не потому, что она в молодости больше походила на модель. Начальство не терпит тех, кто не признаёт главенства начальника и знает о субординации лишь на словах. Впрочем, именно поэтому Галин Николаевна нашла своё признание в педагогике, где реализовала весь свой потенциал, обучая, поучая, воспитывая, наслаждаясь несомненным авторитетом и возможностью смотреть сверху вниз на подопечных.

Что касается отношений с дочерьми, то в сердцах Галина Николаевна благодарила бога за то, что такая, как Ева родилась одна, ибо те неудобства, которые стали бы неизбежными, будь у старшей дочери близняшка, представлялись ей адом. Осознание того, что Ева вышла из-под её контроля, ударило её сильнее, чем предательство мужа.

Галине Николаевне нравилось быть женщиной в высшей степени оригинальной, вроде бы неповторимой и единственной в своём роде. Она пребывала в этом заблуждении и по сей день, не замечая, что Ева – зеркало, в котором она видит себя образца тридцатилетней данности, правда с некоторыми изменениями, вызванными требованиями времени и условиями воспитания. Ей было сложно с Евой, потому что она не могла подавить её так же, как подавляла младших дочерей, правда, осознала она это, только когда Еве исполнилось восемнадцать.

Тогда мать и дочь в очередной раз рассорились из-за посягательств Галины Николаевны на неприкосновенную свободу Евы. Дочь не собиралась следовать запретам матери, а мать поставила ультиматум, что в противном случае та может не возвращаться домой, ибо её никто не пустит на порог. Галина Николаевна тогда рассчитывала на то, что Еве некуда деваться, а потому она непременно сдастся. Но этого не произошло. Ева выдержала двухдневную паузу, впервые тогда погостив с ночёвками у Славы, а на третий день сдалась Галина Николаевна, впервые признав, что перегнула палку, ведь ей была невыносима мысль, что *её* дочь ошивается не пойми где двое суток.

С тех пор Галина Николаевна хоть и ссориться со старшей дочерью, но с опаской поглядывает на Еву, разочаровываясь в своей системе воспитания и поражаясь, откуда у Евы эти невыносимые черты характера: упрямство, заносчивость, категоричность и отрицание всех точек зрения, кроме своей собственной. В общем, Галина Николаевна чувствовала, будто бы её низвергли с престола. Хотя она оставалась королевой, главой семьи, которая формально управляла всем, но фактически парламент (Ева) ей не подчинялся и держал власть в своих руках.

И всё-таки мать и дочь любили друг друга, пусть и весьма странным образом, с оговорками, что они только внешне похожи, поскольку иметь невыносимый характер не хотелось ни одной, ни второй.

– Скоро будет готово? – поинтересовалась Ева, заглядывая в кастрюлю, как будто бы она разбирается в готовности. Девушка видела бурлящую жижу с овощами и фасолью, которая изумительно пахла, и ей казалось, что это блюдо уже вполне съедобно.

– Можешь накрывать на стол, – сказала Галина Николаевна.

Ева достала из шкафчика первые попавшиеся под руку четыре тарелки и поставила их на стол.

– Ева! Сколько можно говорить! Возьми одинаковые, – в голосе Галины Николаевны слышались разочарование в дочери и упрямство в следовании своим принципам, которые заключались, главным образом, в том, что всё должно быть идеально. Галина Николаевна стремилась окружать себя красивыми предметами не потому, что находила в этом какое-то особенное житейское удовольствие, а поскольку полагала: так должно быть, ведь она достойна самого лучшего.

Ева с сопением, выдающим её недовольство и раздражение интонацией матери, заменила одну из тарелок на другую, дабы удовлетворить её тягу к гармонии и симметрии.

Разлив суп, Галина Николаевна принялась нарезать хлеб.

– Зови сестёр, – распорядилась она.

Ева распахнула кухонную дверь и во весь голос проорала:

– Идите есть!

Галина Николаевна состроила гримасу, выражающую категоричное неодобрение поступка дочери, которая поленилась пройти пару метров по крохотной квартире, а вместо этого драла глотку, как какая-то девчонка, выросшая на улице без должного воспитания.

– Что? – недоумевающее спросила Ева, чувствуя накал матери.

– Так сложно было дойти до комнаты?!

– Не придирайся.

– Господи, и куда подевались всем манеры, которые я тебе прививала?!

– Видимо, мне кто-то привил вакцину от них, – колко отвечая на реплики матери, Ева ощущала, как гневно сжимаются её мышцы, а потому ей было необходимо отжаться или подтянуться на перекладине, закреплённой в дверном проёме кухни, чтобы не сорваться.

– Ты только и можешь дерзить матери. А, между прочим, я тебя плохому не учу.

– Ма, я только опасаюсь, что если я буду ходить за ними с призывами на обед, в следующий раз ты заставишь меня писать им приглашения на розовой надушенной бумаге.

– И что за «ма»?!

– Краткое обращение к матери.

– Терпеть не могу!

В кухню вошли Ася и Вика, а потому Галина Николаевна и Ева машинально прекратили перебранку. Не то чтобы они стеснялись девочек, но вмешивать их в разборки не хотелось обеим, правда, по разным причинам.

Обед начался в молчании. Ася и Вика почуяли настроение матери и старшей сестры, а потому выжидали, когда страсти поутихнут. Однако к чаю все уже были довольно миролюбиво настроены. Галина Николаевна утешила себя мыслями о том, что у неё ещё две прекрасные дочки, которые видят в ней образец для подражания.

Ева же грезила о бассейне. Кроме того, вкусная еда подбодрила её. После обедов, приготовленных матерью, Ева трезво оценивала свои шансы в скором времени съехать от семьи. Она понимала, что протянет ноги с голоду или попадёт в больницу с гастритом от бутербродов. Вряд ли бы её холодильник многим отличался от холодильника Славы. Пожалуй, у неё там,

действительно, повесилась бы мышь, поскольку Ева не была пристрастна ни к каким лакомствам, в отличие от друга-ананасоеда.

– Мама, до конца августа надо заплатить за учёбу, – деликатно напомнила Ася, с нетерпением ожидая студенчества, как неземной благодати, рассчитывая испытать все радости молодости и обрести множество новых знакомств и поклонников.

– Павел Петрович не передавал мне денег, – холодно ответила Галина Николаевна. Ей было прискорбно осознавать свою зависимость от бывшего мужа, поскольку при нынешних ценах на обучение в одиночку она не могла оплатить образование хотя бы одной из близняшек при том, что их надо хорошо одевать и кормить полезной пищей. Она знала, что Павел Петрович неплохо зарабатывает и вполне может себе позволить без ущерба для новой семьи оплатить дочерям образование, а потому его пассивное отношение к будущему близняшек её злило.

– Ты ему напомнишь? – спросила Ася.

– Думаю, это лучше сделать вам. Я ему никто, – решительно заявила Галина Николаевна.

– Клянчить вы умеете, поэтому даже не паникуйте! – вставила своё язвительное замечание Ева, которую любые напоминания об отце бесили ещё больше, чем Галину Николаевну.

– Что ты хочешь сказать?! – ощетинилась Вика, которая до этого казалась совсем безучастной к разговору.

– Что вы идиотки. Зря рассчитываете на папашу, – пояснила Ева.

– Ева! Следи за языком! – осадила её Галина Николаевна.

– О! Я ещё могу сказать! У этих двух барышень был выбор. Они могли прилично учиться и поступить на бюджет или подрабатывать и заработать денег себе на семестр, выбрав специальность подешевле. Но они решили вообще не напрягаться. Пусть за них платят!

– Интересно, а почему бы отцу не заплатить за нас?! – Ася считала обучение своим естественным правом, а потому не собиралась за него бороться и прилагать хоть какие-то усилия для его реализации.

– Они не должны работать, – поспешила вставить Галина Николаевна, высоко ценившая образование и понимающая, что Ева из-за работы не получает даже минимума знаний.

– А я должна была?! – Еву никогда не отпускала ярость из-за дискриминации в отношении неё.

– Нечего было ссориться с Павлом Петровичем, – рассудила Галина Николаевна.

– Кто бы говорил, – процедила сквозь зубы Ева.

– Если тебе не хватает ума, – начала было Ася, но Ева её перебила.

– Ума не хватает тебе, если ты ждёшь подачек! Я милостыни не прошу!

Галине Николаевне изначально был неприятен этот разговор. Теперь же она была как в воду опущенная из-за жестоких, но правдивых слов Евы. Да, ей никто не помогал, и девушка сама выкрутилась, потому что решила, что ей зачем-то нужно высшее образование. А финансовая независимость, которую обрела Ева, зарабатывая столько, сколько нужно и на учёбу, и на одежду, и на прочие женские радости (при этом она закупала частично продукты для семьи), превратила её в жестокое и требовательное существо, окончательно вырвавшееся из-под влияния привыкшей быть главной матери.

– Мама, скажи ей! – настаивала Ася.

Галина Николаевна посмотрела в глаза дочери, в которых горел вызов. Она чувствовала себя виноватой перед Евой, но не настолько, насколько была бы виноватой перед Асей и Викой. Ева другая. Она может многое, а потому не пропадёт. Ася и Вика нуждаются в заботе, зато они не такие злые, а потому Галина Николаевна готова была им потакать, дабы сохранить их мягкие сердца, чтобы девочки сформировались духовными личностями, а не барыгами, готовыми за деньги и собственную выгоду пойти по трупам.

– Ева, выйди из-за стола, – строго сказала Галина Николаевна.

– Спасибо за обед, – желчно ответила Ева и, сделав комичный реверанс, ушла из кухни, гордо задрав голову и разведя плечи.

Ева не могла понять, почему им так рискованно обедать вместе. Отчего всегда находятся какие-то мелочи, из-за которых развязывается очередной конфликт? Почему им троим, кровным, самым близким родственникам так трудно сосуществовать в мире и согласии? Зато девушка могла вполне определённо ответить на вопрос, почему у неё нет подруг.

Когда живёшь с тремя темпераментными особами женского пола, потребность в общении с женщинами отпадает, а женское общество вообще начинает раздражать. Именно поэтому Ева больше предпочитала общаться с особями мужского пола, будь то двухлетний мальчик или семидесятилетний старик. Да, и с ними бывало непросто, потому что они часто ведут себя, как животные, унюхавшие самку. Но из двух ролей Ева всегда выбирала объект домогательства, а не объект зависти, ведь она уверена, что девушки должны ей завидовать.

Ева думала полежать часок после обеда, но стоило ей устроиться на своём диване, она почувствовала отвращение к фиолетовым стенам, утыканным фотографиями сестёр. Девушка не знала точно, существует ли такое заболевание вроде боязни определённых цветов, но фиолетовый со всеми его оттенками вызывал настолько негативные эмоции, что хотелось придушить Асю и Вику, этих горе-дизайнеров, которые превратили их общую комнату в кукольный домик.

В своё время, когда только планировался ремонт, Ева совершила ошибку, позволив сёстрам всё, что им захочется. Тогда Ева только-только влюбилась в Глеба, а потому пребывала в той тупой эйфории, в которой пребывают все влюблённые. По правде сказать, Ася и Викуся уже давным-давно выжили её отсюда. В этой комнате исключительно Еве принадлежали только диван и ноутбук. Даже её одежду они не стеснялись заимствовать без разрешения, хотя их стиль, лишённый изящества и женственности, сильно отличался от стиля старшей сестры. С поступлением в университет Ева слишком мало времени стала проводить дома, а поэтому права на что-либо были безвозвратно утрачены ею.

Ева попыталась сосредоточиться на книге, но чтение не отвлекало её, поэтому она поспешила собирать сумку, чтобы ехать в бассейн. Отыскав купальник и шапочку, Ева взяла с полки баночку с кремом для тела, которая показалась ей на удивление лёгкой. Она открыла крышку и обнаружила, что от замечательного крема с миндальным маслом не осталось ничего. Пустая банка просто занимала место на полке, оттягивая тот момент времени, когда Ева будет уничтожать сестёр за перерасход косметики.

На самом деле Ева привыкла к тому, что не успевает попользоваться собственной косметикой до того, как она внезапно заканчивается. Ася и Викуся, будучи экспертами по части красоты, любезно помогали ей расходовать тушь, тени, карандаши, лаки и т. д. и т. п. Ева не против делиться с сёстрами своими вещами, тем более, что она придерживалась весьма сдержанного макияжа, но её ужас как раздражал тот факт, если они приканчивали что-то и не говорили об этом, а когда ей потребуется, например, крем (как сегодня), его не оказывалось в наличии.

– Эй, вы! – крикнула она.

– Это ты кому? – раздался ответ из кухни.

– Ты и твоя копия! Марш сюда! – потребовала Ева.

Естественно, её никто не послушал, и на этот раз Ева не поленилась лично прийти к сёстрам.

– Можно узнать, почему на полке стоит пустая банка?! – воинственно обозначила проблему Ева.

– Это твой крем, – нехотя ответила Ася.

– Был! Любопытно, куда он делся? – Ева оглянулась по сторонам, как бы ища что-то.

– Ева, прекрати, – настоятельно попросила Галина Николаевна, которая уже начинала уставать от старшей дочери. – Тебе жалко какого-то крема для сестёр?

– Мне не жалко. Но можно по-человечески хотя бы сказать, что он кончился?! Чтобы я купила новый и не осталась с пустой банкой, когда мне нужен крем! А, Аська?

– Ева! Не называй её Аськой! Я…

– Терпеть не можешь! Я в курсе, – опередила мать Ева.

– Хватит орать! Достала уже! – возмутилась Вика.

– Я тебя ещё не так достану! – дала последний залп Ева и покинула мать и сестёр.

Буквально через десять минут она вылетела из квартиры, крикнув из-за закрывающейся двери, что поехала в бассейн.

Глава 4. Если бы желания совпадали с возможностями…

В Тулу прибыл поезд с южного направления. Его стоянка в течение двух минут прошла незаметно для тех, кто следовал дальше, в Москву. Однако Тула была конечным пунктом для Степанова Глеба Юрьевича, сошедшего с поезда с приятным ощущением возвращения домой.

Он ездил на похороны тётки (на самом деле там седьмая вода на киселе), к которой не был привязан и которую видел всего несколько раз в жизни, но гнетущая обстановка похорон заставила его искренне скорбеть о кончине дальней родственницы. Глеб чувствовал себя разбитым и измождённым, а потому его как никогда тянуло в ласковые объятия Евы.

Она не ответила на его сообщение, в котором он утром написал время прибытия поезда, однако Глеб был твёрдо уверен, что Ева непременно встретит его, просто она ненавидит набирать SMS-сообщения, а, может, ещё и спала в то время, а потому не стала утруждать себя ответом.

Глеб постоял на платформе. Потом набрал Еву, но она не могла ему ответить, поскольку именно в это время проплывала двадцатый метр, получая истинное удовольствие от воды и слаженной работы мускулатуры. Длинные непрекращающиеся гудки в трубке совсем расстроили Глеба, и он побрёл на стоянку брать такси.

Двадцать шесть лет. Рост – метр восемьдесят пять. Ухоженное тело. Аппетитная попка. Любит деньги и внимание к себе. Упрям. Неуравновешен. Бахвал и зануда. Фанатичен в любых начинаниях. Так обрисовала бы своего молодого человека Ева, если бы её попросили при этом быть предельно краткой. Впрочем, она оказалась бы неспособной описать более подробно черты характера, привычки и привязанности Глеба. Ева считала, что в отношениях всё внимание должно концентрироваться на ней, и это мужчине надо знать, какие места любит посещать девушка, какие цветы ей нравятся, что она любит поесть, какую музыку слушает, какие книги читает, какие фильмы смотрит, о чём мечтает и что хочет получить в обозримом будущем. В такие тонкости вдаваться самой ей не приходило в голову, а потому она мало считалась с интересами Глеба.

Но Ева, несомненно, – самая красивая девушка. И она умеет льстить мужскому самолюбию, если уж очень постарается. За это Глеб терпел все её выходки, исполнял требования, выслушивал претензии и всякий раз извинялся, стоило ему сорваться и прикрикнуть на эту несносную дьяволицу.

Позвонив на домашний телефон Евы, он выяснил, что она в бассейне. Это показалось ему странным. Он понимал, что её подтянутая фигура должна иметь какое-то спортивное обоснование, но его удивило, что именно в этот день Ева поехала в бассейн, когда вроде бы должна с нетерпением, хотя бы с таким же, ждать встречи с ним. Глеб мог подозревать, что она флиртует с кем-то, развлекается с друзьями, но уличить её во внезапном пристрастии к спорту не ожидал.

Он съездил домой, принял душ, взял машину и поехал к университетскому бассейну. Всё это заняло у него не более сорока минут, и поскольку Ева по-прежнему не брала трубку, Глеб догадывался, что она всё ещё плавает.

Глеб припарковался, не въезжая на территорию университета. Ему не хотелось засветиться перед коллегами, с которыми непременно пришлось бы о чём-то говорить, когда его мысли всецело заняты Евой. Вообще Глеб не обладал способностью переключаться с одного предмета на другой. Если у него возникали проблемы в личной жизни, то на работе он весь день думал только о том, что его тревожило, а потому по большей части не разговаривал с другими

преподавателями, был груб со студентами и не мог проводить лекции, неся какую-то чушь, перескакивая с одной посторонней темы на другую.

Глеб занял место, с которого было видно дорогу, примыкающую ко входу в бассейн физкультурно-оздоровительного центра, так что исключалась самая малейшая возможность пропустить Еву.

Как это всегда бывает, минуты ожидания тянулись ужасно долго, тогда как мозг перешёл на ускоренную работу. За это время Глеб успел накрутить себя и приготовиться к худшему, ибо предчувствие подсказывало ему нечто неладное. Только теперь он осознал свою неуверенность в Еве. Глеб придерживался невысокого мнения о красивых девушках. Разумеется, их внешность претензий не вызывала. Как он мог наблюдать, явные красавицы считают, что им больше позволено, а потому ведут себя соответствующим образом. Ева не была исключением, но рядом с ней Глеб пережил немало приятных минут, не омрачённых презрением к людям, а в людях он разочаровывался много. Не достигнув тридцатилетия, Глеб перестал верить в бескорыстную дружбу, жертвенную любовь, а его девизом по жизни стали слова «не подмажешь – не поедешь».

Наконец, на крыльце бассейна показалась Ева. Глеб без труда узнал её издалека. Её распущенные тёмные волосы, такие гладкие, как жидкий шёлк, сразу же подхватил поднявшийся ветер. А Ева свойственным ей небрежным движением закрутила их и уложила на плечо, правда, они тут же рассыпались по спине. Девушка вся цвела. Она была не просто прекрасна, а сказочно красива. Глеб залюбовался ею, не придав значение тому, что Ева в его отсутствие имеет такой цветущий жизнерадостный вид.

Стоило ей спуститься по ступенькам, как к ней подошёл какой-то паренёк. Только теперь Глеб обратил на него внимание, хотя Андрей сидел на скамейке уже минут десять. Ещё минуту назад Глебу хотелось поскорее подбежать к Еве, заключить её в объятия и расцеловать. Но когда он увидел недвусмысленный поцелуй этих двоих, то потерял на несколько секунд всякую способность что-то желать. Ему только казалось, что он готов к худшему. Вот это худшее было перед глазами, а Глеб пребывал в растерянности.

Способность рассуждать и желание поотрывать предательнице и этому пацану головы пришли к Глебу, когда Андрей взял сумку Евы и по-собственнически обнял её за плечи, чтобы все видели: она с ним, он имеет на неё права и не потерпит посягательств со стороны любого мужчины.

У Глеба не было определённого плана. Он просто ехал по проспекту, вдоль которого шла парочка в сторону дома Евы. Ева не замечала хорошо знакомой ей «митцубиши», периодически притормаживающей у обочины. Девушка была слишком поглощена разговором со своим спутником. И страшнее всего Глебу было видеть, как она счастлива со своим новым поклонником, поскольку давно не замечал столь явного счастья на её лице, когда она прижималась к его груди, когда он возился с её волосами, когда они были вместе. Глеб не умел читать по губам, да и не мог в данной ситуации, но понимал, что Ева ведёт какую-то глупую беседу и очень хочет нравиться долговязому пареньку. Ей совершенно не надо было прикладывать усилий, чтобы понравиться внешне, но внутри неё пряталось что-то отталкивающее, изредка прорывающееся наружу в виде грубых фраз или сатанинского взгляда. Именно это и скрывала она сейчас.

Злобная истеричка, выматывающая нервы, находящая повод для обиды в чём угодно! Почему она так ему дорога?!

Когда Ева и Андрей завернули во двор, Глеб прибавил газу и уверенно въехал за ними, разоблачая своё присутствие. Он обогнал их, чтобы припарковаться возле подъезда Евы, и заметил в зеркале заднего вида проблеск паники в лице девушки, который, однако, очень быстро сменился на нахальное упрямство.

– Ну, посмотрим, кто кого, – невнятно пробормотал Глеб, выходя из машины.

Он раскинул руки и широко улыбнулся, идя навстречу Еве и её ухажёру.

– О, любимая! А я с поезда – прямо к тебе!

– Любимая?! Где ты таких словечек понабрался?! Мелодрамы в поезде смотрел? – Ева тоже мягко улыбнулась, оценивая обстановку. Пока всё было весьма неопределённо. Некоторое время вплоть до входа во двор Ева и Андрей шли просто рядом, а потому Глеб не мог видеть ничего предосудительного. Тогда откуда взялось это словечко «любимая»? И почему у неё такое желание оправдаться перед ним?

– Я истосковался по тебе! – Глеб старался проговаривать слова как можно быстрее, чтобы никакая интонация не выдавала того, что твориться в его душе.

Он обнял Еву и чмокнул её в губы. Она не сопротивлялась. Причиной тому было замешательство и предчувствие необходимости сделать выбор сейчас. Буквально через секунду. А ведь она ещё ничего для себя не решила.

– Познакомишь нас? – просто и естественно поинтересовался Глеб.

– Конечно! – торопливо ответила Ева, но потом стала растягивать слова. – Это Глеб.

– Её парень, – пояснил Глеб, с вызовом посмотрев в глаза Андрею и намекнув Еве, что ей придётся обозначить позицию своего приятеля не только именем.

– Андрей, – добавила она. – Мой школьный приятель.

Ева назвала Андрея так, как привыкла называть многие годы. Она спасовала, струсила, дала задний ход. На самом деле девушка рассчитывала на отсрочку, ведь она потом сможет объясниться с Андреем. А вот объясняться в такой обстановке, на улице, на глазах у соседей, с шизиком Глебом было бы крайне неразумно, поэтому позволительно ввести его в небольшое заблуждение.

Ева оказалась на распутье. Направо пойдёшь – Глеба потеряешь и в качестве бонуса получишь грандиозный скандал. Налево пойдёшь – поссоришься с Андреем, но лишней ругани не будет. Пока не пришёл Глеб, не было ни тени сомнения, что Воронцов ей дороже, и даже казалось, что год с Глебом не стоит той недели, которую она провела с Андреем. Теперь Ева смотрела на Глеба, замечая, как нервно дёргается его левый глаз. Она сочла это ревностью, и ей стало совсем немножко стыдно за то, что Глеб не относится к ней как к надёжному, но не особо желанному ноутбуку.

Пока Ева настраивалась на определённую версию событий, в голове Глеба проносились нецензурные мысли в отношении своей девушки. «И сказала так, что я поверил бы, если бы не видел своими глазами». Стоило ему подумать об этом, как Глеб ужаснулся тому, сколько раз, скорее всего, Ева его обманывала с таким же невинным и уверенным видом, с недрогнувшим голосом и с полным отсутствием предательских жестов, выдающих ложь.

– Приятно познакомиться, – добродушно улыбаясь, оскалив зубы, сказал Глеб.

– Взаимно.

Этот ответ Андрея вывел Еву из её виртуального мира лжи. Голос Воронцова звучал совсем иначе, приобретя пугающий оттенок отчуждённости.

– И давно вы знакомы? – продолжал пытку Глеб.

– Лет с двенадцати-тринадцати, – сообщил Андрей всё тем же мёртвым голосом. – Вот сегодня случайно встретились и разговорились.

Состоялось рукопожатие, после которого Глеб забрал сумку Евы из рук Андрея. Ева не могла больше произнести ни слова. Ей было неловко перед Андреем, который подыграл ей, как бы ему ни было неприятно и больно сейчас.

– Слава богу, что только приятель! А то я уж извёлся весь. Представляешь, Ев, звонил сейчас в приёмную комиссию по работе, а мне Пашка говорит, что тебя видел возле бассейна с видным молодым человеком. Я уж нервничать начал, – спокойно поведал небылицу Глеб, наблюдая за реакцией Евы.

Однако никакой реакции не последовало. Она оцепенела, чего никак не ожидала от себя.

– Эх, ты! – Андрей усмехнулся и по-приятельски похлопал Глеба по плечу. – Девушке своей доверять надо!

Он произнёс эту фразу нравоучительно-дружелюбным тоном. Даже Ева готова была поверить, не говоря уже о том, что все сомнения и подозрения Глеба сразу же улетучились бы, не будь он слишком осведомлённым. Ева решила, что Андрей понял: она не может выяснять отношения с Глебом при нём, и не хочет скандала, а потому Воронцов дал ей отсрочку. Он был слишком хорош и слишком добр, и теперь Ева жалела, едва ли не впервые в жизни, что соврала.

– Ну, я вас оставлю. Приятно было поболтать. Пока, – Андрей быстро попрощался и пошёл прочь, даже не посмотрев на Еву. Ей это не понравилось.

А вот Глеб не сводил с неё глаз, мысленно делая ставки, насколько железные у Евы нервы.

Когда Андрей отошёл уже достаточно далеко, Ева поняла: ей непременно надо убедиться в том, что Андрей не обиделся.

– Подожди минутку. Я забыла у него спросить кое-что! – соврала Ева и побежала за Андреем.

– Фантастика, – комментировал поведение Евы Глеб.

Ева нагнала Андрея, ни разу не окликнув его, чтобы тихо переговорить, оставив Глеба в неведении о предмете разговора.

– Андрей, – обратилась она, предусмотрительно не дотрагиваясь до него.

Он остановился и таким лицом, словно Ева его тяготит.

– Спасибо за понимание, – поблагодарила она.

– Да подавись, – огрызнулся Андрей.

– Вот сейчас не поняла, что это было, – Ева не на шутку озадачилась.

– Меня раздражает тупость.

– Посмотри на меня, – потребовала Ева, осознавая, что Андрей всё-таки обиделся.

– Можно подумать, я не видел твоих лживых глаз! Пусть он на тебя смотрит.

– Андрей!

– Что тебе от меня ещё нужно?! – возмущённо воскликнул Воронцов.

Ева опешила от этой грубости. Ещё больше её огорчило то, что Андрей её не понял, а включил свою мужскую гордость.

– У тебя-то, оказывается, парень есть, – продолжил он уже почти шёпотом. – Я сделал всё так, как тебе хотелось. А хочешь ты не меня.

Ева опять впала в какой-то ступор. Обижаться – это её прерогатива. Другое амплуа ей не знакомо, а потому она не находила слов. Все молодые люди должны терпеть её выходки, а Андрей сам выкидывает что-то непонятное.

Однако напрасно Ева опасалась увидеть в нём несправедливо обиженного ребёнка, когда после раздумий подняла глаза. Из лица Андрея исчезла даже та игривая инфантильность, которая располагала к нему первого встречного прохожего. Он был серьёзен, а потому больше, чем когда-либо походил на Сашку. Что-то подсказывало Еве: сейчас Андрей так же суров в своих суждениях. При всём трагизме, с которым он произнёс последнюю фразу, в выражении его лица не было ничего жалобного. Он не смотрел на неё глазами преданной побитой собачонки. Воронцова разъедало уязвлённое самолюбие. Андрей чувствовал себя отвергнутым мужчиной, а это самый мощный удар по изнеженной мужской психике.

Еве стало страшно оттого, что она не сможет забыть это его лицо, опасаясь, как бы оно ни снилось ей в кошмарных снах. Помимо боли и разочарования в глазах Андрея тлело презрение, угольки которого будут отныне всегда обжигать её. Ева бы легко вынесла такой приговор во взгляде от кого угодно, только не от него. Они могли ссориться, задевать друг друга самыми погаными фразами, но прежде Андрей никогда не смотрел на неё так.

Ева молчала, догадываясь, что в этот раз придётся мириться по-настоящему, с извинениями, а не по привычной схеме: разошлись, покипели, остыли, а наутро друзья. Желание разговаривать с Андреем пропало. Он не был виноват. Не испытывала чувства вины и Ева.

Андрей безмолвно простоял с минуту, не зная, на чём сосредоточить свой взгляд, лишь бы не смотреть на неё. Ева же не отводила глаз от него, ожидая продолжения этой неприятной сцены, каковыми совсем небогата жизнь обычной девушки. В итоге он просто ушёл, не пошевелив ни единым мускулом на лице, не сделав никакого саркастичного замечания, не попрощавшись.

Теперь ей надо было что-то решать с Глебом. Но она не чувствовала в себе ни сил, ни желания стерпеть ещё одну неприятную сцену, а чтобы отстрочить её хотя бы до завтра, Ева решила притворяться. Она показала свои хищные жемчужные зубы в ослепительной улыбке, как будто бы была безумно рада возвращению Глеба в Тулу, и пошла к нему.

А Глеб внимательно наблюдал за ней и Андреем и даже проникся жалостью к сопернику, которому, как ему казалось, повезло меньше, ибо Ева зачем-то отшила его. Он видел поникшие плечи Андрея, а теперь смотрел на улыбающуюся как ни в чём ни бывало Еву. «Какая дрянь», – подумал он, чувствуя, что постепенно сходит с ума.

– Здорово, что ты, наконец, приехал, а то от скуки я уже в бассейн ходить начала! – залепетала Ева.

«Лживая дрянь!», – скорректировал предыдущую мысль Глеб.

– А уж как я рад. Правда, я думал, ты меня встретишь.

Глеб хотел поскорее закончить, но, с другой стороны, ему стало любопытно, каков потенциал у этой прелестной лгуньи.

– Откуда мне знать, когда ты приезжаешь? – искренне изумилась Ева.

– Ты не получала смску?

Ева вспомнила об утреннем сообщении, которое не стала читать, и ответила:

– Нет.

– Странно, я получил отчёт о доставке.

– В сетях бывают неполадки, – пожала плечами Ева.

– Ну, поедем кататься? А потом ко мне? – бодро предложил Глеб.

– Я в твоём полном распоряжении, – ответила Ева, подумав: «Какой ужас!».

– Хм, – губы Глеба искривила ухмылка. Он почти уже ненавидел Еву.

Глеб обнял её и настойчиво и жёстко поцеловал, чувствуя, как всё её нутро сопротивляется этому поцелую, но губы терпят. Ей было неприятно. Он это знал и хотел помучить её. Она мысленно досчитала до пяти и начала потихоньку отстраняться, но Глеб сильно сжал одной рукой её плечо, а второй ухватился за длинные волосы.

Ева со всей силы оттолкнула его, но он не выпустил из цепких рук её волос:

– Мне больно!

Ева не столько возмущалась, сколько была удивлена своим открытием, что Глеб намеренно причиняет ей боль. Он издевается над ней.

– Неужели? – злобно прошептал он, притянув её за волосы к себе.

Ева почувствовала себя униженной этим жестом, а ещё она начала догадываться, что Глебу известно чуточку больше, чем она думала.

– Отпусти меня! – потребовала она.

– Зачем? Ты ведь осталась со мной, любимая! – Глеб продолжал насмехаться над ней, хотя у самого всё клокотало внутри. Ему было жаль, что всё так кончилось. Он верил ей. Любил её. Она дала ему надежду на то, что мир не так гадок, как ему казалось. Она была нежной. Она подарила ему возможность почувствовать себя страстно любимым, чего он никогда не испытывал с другими девушками. Она была его гордостью, большим успехом. Всё иллюзии…

– Чего ты добиваешься?! – гневно вопрошала Ева.

Он сильнее потянул её за волосы, перехватив их возле самых корней так, что девушка не могла пошевелить головой, и прошептал ей на ухо:

– Разве ты не сделала выбор?! Мальчишка ушёл. Ему хватило ума отказаться от тебя, а вот я в своё время сглупил, и ты за это поплатишься. Ты знала меня хорошего, но сегодня я буду таким плохим, что тебе станет страшно, и я не буду считаться с тем, чего тебе хочется. Поняла?!

– Опусти меня, придурь, – изо всех сил сохраняя спокойствие, потребовала Ева, хотя в её голове уже пронеслись страшные картинки учиненного над ней насилия. Глеб стал ей омерзителен.

– Садись в машину, – приказным тоном распорядился он.

– Да что с тобой такое? Убери руки! – набычилась Ева, не согласившись быть жертвой. Да, таким ужасающим она ещё Глеба не видела, и поэтому находила в себе силы сопротивляться. Её уже не заботил вопрос вынесения своей личной жизни на суд любознательных соседей, а потому она приготовилась уничтожить Глеба, пусть ей придётся орать на весь двор.

Глеб расцепил пальцы и оттолкнул от себя Еву так, что она даже оступилась.

– Неужели ты думала, что тебе удастся провести меня? – истерически хохоча, спросил он.

«Он знал про Андрея. И устроил спектакль. Что ж, будем играть жёстко!», – так Ева настроилась на бой, хищнически прищурив глаза и грозно сдвинув брови.

– Можно подумать, тебя сложно провести! – теперь была её очередь насмехаться.

– Не сомневаюсь, ты делала это не раз!

– Даже не сотню раз! Ты олух, готовый верить во что угодно, потому что у тебя мозги отключились, когда ты переспал со мной! Такая победа! Пожалуй, самая большая заслуга – затащить студентку в постель!

– Я у тебя никогда ничего не преподавал! – Глеб не заметил, как начал оправдываться.

– Ну, да, это многое меняет!

– У нас с тобой были отношения, между прочим! Зачем ты сейчас переводишь всё на это?! – Глеб махал руками, а его глаза загорелись от злобы.

– Да ладно! Тебе от меня нужны были две вещи: секс и возможность похвастаться перед друзьями, что у тебя со мной секс.

– И ты так всегда думала?!

– Разумеется!

– Какого чёрта тогда…

– Варианты получше подыскивала. Как ты успел заметить, нашла!

Глеб сжал руки в кулаки, сдерживая себя, чтобы не ударить её. Она растоптала его чувства, которые всё-таки имели место быть.

– Чем же, любопытно, этот парниша лучше?! – Глеб не сомневался, что Ева просто хочет взбесить его, а потому понадеялся, что она не найдётся, как ответить на его вопрос.

– Ну, он не алчная гнида, изображающая воплощение принципиальности, но, тем не менее, выставляющая студентам зачёты за подарки и услуги! Он не такой слабак, как ты, а потому не боится чужого превосходства, за которое ты так ненавидишь более успешных людей. У него нет мании, что люди общаются с ним только из-за заинтересованности в какой-то выгоде! Он просто хороший человек, который не гадит всем подряд, если у него плохое настроение! Достаточно? Или, может, мне углубиться в тонкости наших с тобой отношений?!

– А ты, видимо, альтруистка! Из жалости со мной встречалась! Да тебе нужен был личный водитель, который при этом, как идиот, дарит цветы и развлекает тебя!

– Нет, мне нужен был раб! И ты неплохо справлялся! Кстати, *любимый*, где букетик? Ты ведь так соскучился по мне!

– А что, Андрей не подарил?

– Ещё не вечер!

– Даже так! По-моему, он не собирается возвращаться!

Это укололо Еву, ведь она превосходно знала Андрея, а потому догадывалась, что он не приедет сегодня, и даже не рассчитывала на его звонок.

– Я его позову! Помирюсь с ним, потому что он того стоит!

На этот раз удар не прошёл безболезненно для Глеба. Его она никогда не звала сама, никогда не просила у него прощения, никогда не звонила первой просто так, чтобы узнать, как проходит его день.

Изрядно побитый Глеб облокотился на свою машину и растерянным, мученическим взглядом посмотрел на Еву. Он потерял её. Навсегда. Жалея о внезапно рухнувших чувствах, Глеб понимал, что не станет бороться за свою любовь и не будет страдать из-за Евы, пусть ему для этого даже придётся вырвать из своей груди сердце.

– Ева, скажи мне только одно. Зачем ты соврала? Почему было сразу ни сказать, что ты хочешь быть с ним? Зачем всё это?

– Ну, не знаю я! – выпалила Ева, тщетно пытающаяся разрешить именно эту сложную задачку.

– Ты получаешь какое-то удовольствие от вранья? – Глеб остановился, смирившись со своей участью. Он желал только одного: понять её.

– Поверь, ты получал от него больше удовольствия! И если на то пошло, то Славка не мой двоюродный брат! Делай выводы сам, – Ева достигла пика своего красноречия, а потому могла бы ещё многое поведать Глебу, если бы он вдруг не взорвался.

– Превосходно! И Славка, оказывается, не брат! Тогда он полный кретин, если подыгрывает тебе! У него совсем нет самоуважения?!

– Зато у него всегда буду я!

– Велика удача! Да ты шлюха! – Глебу становилось всё хуже. Ему показалось, что он попал в зазеркалье, где мир перевёрнут с ног на голову, где он не мог испытывать к Еве никакого чувства, кроме гадливости.

– Пора тебе последить за языком!

– За тобой надо было следить!

– Вякалку закрой! И вали отсюда!

Ева подняла свою сумку с земли и пошла к подъезду.

– Желаю преждевременно не сдохнуть! – бросил ей на прощание Глеб.

– Не могу тебе пожелать того же, – ответила она, не оборачиваясь, слыша, как захлопывается дверца автомобиля.

Заходя в подъезд, Ева подняла глаза, оглядев фасад дома. На балконе стояли мама и сёстры. Впрочем, все соседи облепили раскрытые окна, чтобы послушать и поглазеть. Ещё бы! Реальные разборки реальных людей, о которых будет интересно судачить на симпозиумах во дворе. «Надо остричь волосы», – подумала она, потирая затылок.

Стоило Еве переступить порог квартиры, как на неё налетели три коршуна.

– Какой позор! Мне стыдно за тебя, – говорила убитая горем Галина Николаевна.

– А я тебе говорила!

– Отличный скандал! Всех повеселила.

Ева, не обращая на них внимания, разулась и пошла в ванную, не пренебрегая своей привычкой мыть руки. Вытирая их полотенцем, она посмотрела на свою семью, глазевшую на неё так, словно на преступницу, привязанную к позорному столбу. Ева не слушала их, но понимала по лицам, что посочувствовать ей никто не собирается. А как было бы здорово, если бы мама поддержала её словами: «Глеб – негодяй. Я всегда это знала. Ты достойна большего». Ведь Галина Николаевна терпеть не могла Глеба, так что её исход событий должен устраивать. От сестёр Ева ждала одного, чтобы они просто исчезли куда-нибудь, не досаждая ещё больше. Но мечты без волшебной бороды Хоттабыча никчёмны, а потому Ева просто попросила:

– Родные мои! Можно оставить меня в покое? У меня, между прочим, личная драма.

Ева ушла в комнату, не найдя ни понимания, ни сочувствия, но ей повезло хотя бы в том, что к её просьбе прислушались. За ней никто не поплёлся, и даже сёстры решили преподнести щедрый подарок: дать возможность побыть одной.

Девушка легла на диван, осмысливая всё, что с ней произошло за этот день. Глеб остался в прошлом. Андрей под вопросом. И оба они не оправдали её ожиданий. Ей бы хотелось, чтобы Воронцов повёл себя совсем иначе, чтобы он не поддался её решению, а стал бороться за неё, совершил какой-нибудь поступок, а не убрался восвояси.

Впрочем, долго думать она не могла. Эта реальность была слишком печальна. А лучшее лекарство от реальности, разумеется, за исключением спорта, – крепкий сон. Да, Ева уснула. Она не выспалась прошлой ночью, много поплавала, понервничала, а потому были созданы все предпосылки, чтобы она погрузилась в мир грёз.

Ева открыла глаза, когда на улице начало темнеть. Был одиннадцатый час вечера. Дома стало на удивление спокойно и тихо: все признаки того, что близняшки отправились на свой вечерний моцион.

Девушка проснулась с обострённой чувствительностью. У неё на душе скребли кошки, отчего безумно хотелось выговориться. Она достала из кармана джинсов телефон, подпёрла голову рукой и стала дожидаться ответа. Едва Славка поднял трубку, она первая начала разговор, не дав ему сказать:

– У меня был ужасный день.

– А у меня был ужасный Глеб. Как думаешь, кому из нас повезло больше?! – гнусаво поведал Слава.

– Глеб? – удивилась Ева, усаживаясь на диване в предвкушении истории. Ей хотелось поскорее услышать, что ещё учудил этот шизоид, да ещё в квартире Славки.

– Глеб Юрьевич. Именно он.

– Слушай, что у тебя с голосом? Ты в нос говоришь.

– С носом у меня то, что в следующий раз предупреждай, пожалуйста, когда на тебя внезапно найдёт приступ честности! Я хотя бы дверь никому открывать не буду!

– Рассказывай уже, что случилось! – сгорая от нетерпения, настаивала Ева.

– Приезжал твой Глеб. Впрочем, насколько я понял, уже не твой. Пьяный в жопу! Только открываю ему дверь – сразу получаю кулаком в нос. Потом он стал нести какую-то ахинею, что я ненормальный, а ты… в общем, лёгкого поведения. Взывал к моей гордости, блеванул у меня в прихожей и ушёл. Нос он мне, конечно, разбил до крови. Я бы увернулся, да только уж больно неожиданно получилось!

– А как у меня неожиданно!

Ева рассказала во всех подробностях о событиях, которые произошли с ней.

– Читать смски надо, – подытожил Слава. – А ещё периодически поглядывать на телефон. Мало ли какие пропущенные вызовы!

– Это ничего не изменило бы.

– Напоминаю, что у тебя пропущенный вызов, а у меня пропущенный хук!

– Не ной!

– Я не ною. Просто обломался вечер. Я ведь к Руслану собирался ехать. У него пивная вечеринка.

– Убогая попойка! Так что ты много не потерял. Ну, Глеб даёт. Я даже не думала, что он на такое способен.

– Хочешь бесплатный совет?

– Ну?

– Ты поаккуратнее со своими мужиками. Когда-нибудь тебя прибьют! И, судя по всему, я отправлюсь на тот свет с тобой. Только мы в другой жизни не встретимся, ибо я буду вкушать райские плоды, а ты загорать в аду!

– Для меня и кухня – ад! – Ева рассмеялась, искренне и весело, отчего Славка порадовался. – Не говори ерунды. Ни на что подобное ни один из этих слюнтяев никогда не решится. Ты прости: тебе ни за что попало. С меня причитается.

– Я запомнил.

Хотя Слава и подтрунивал над подругой, он был безмерно счастлив, что с ней всё в порядке, пусть она сама так и не считает. До её звонка он изводил себя самыми страшными мыслями. Слава мог бы поверить, что Глеб побывал сперва у Евы и, чего доброго, убил её. Но, предаваясь тревоге, он совсем позабыл про удивительную живучесть Евы, которая, скорее всего, сама всех со свету сживёт, прежде чем распрощаться с жизнью.

Слава собирался звонить Еве. Он только вставил ватку с перекисью в нос, чтобы остановить кровь и уже открывал справочник в телефоне, когда раздался её звонок. Он соглашался с ней, что пострадал незаслуженно, но на самом деле так не считал.

Никто, кроме него, Славки Носова, так не заслуживал получить в морду из-за Евы. Пусть она не видела в нём мужчину, но это не отменяло данный факт. Слава всецело завладел её душой, он знал её и даже научился понимать. Он имел больше, чем те, кто всего лишь обладал телом Евы. Они желали её страстно, и под этой страстью, как под наркотиком, становились её игрушками. Им было не интересно то, что так любил в ней Слава, за что готов был всё отдать, не пожалеть себя и ждать, сколь угодно долго ждать, когда Ева наиграется, избавиться от предрассудков и посмотрит на него широко открытыми глазами, способными разглядеть, что Слава единственный, кто достоин её любви и кого она хочет любить.

Глава 5. Если бы не предубеждения…

Основная черта, которая отличала Вику от своей сестры-близняшки Аси, – романтичность, тогда как во всём остальном они полностью копировала друг друга. У них были одинаковые причёски со слегка укороченным затылком и длинной чёлкой, их волосы были выкрашены идентично (по замыслу это был платиновый блонд, но высветленные волосы отдавали в желтизну), они делили один гардероб на двоих, одинаково накладывали макияж, смотрели одни и те же фильмы, сходили с ума по одним и тем же актёрам со смазливенькими мордашками и имели бы очень схожую личную жизнь, если бы не склонность Вики к романтике и бесперспективная сердечная зазноба Аси. Впрочем, это служило только на пользу сестринской близости, ибо пока им нечего делить – у них нет повода враждовать.

Вика могла бы полюбить простого романтика, отважного лётчика или моряка, ну, или байкера. У неё не было никаких шансов устоять перед Васей, когда она видела его на мотоцикле, такого бесстрашного, в яркой мотоциклетной куртке, мчащегося с бешеной скоростью по вечерним улицам города. Её завораживали его выразительные карие глаза, обрамлённые чёрными ресницами. Ей нравилось кататься с ним, крепко прижимаясь к нему всем телом, когда волосы развеваются от ветра и свистит в ушах. Вике было семнадцать лет. Она влюблена.

Ася не понимала привязанности сестры к Васе. Да, он взрослее (ему уже минул двадцать один год), а потому интереснее. У него неплохая внешность, но байкерские тусовки не вызывали в её душе такого восторга, который испытывала Вика. Ася предпочитала более стабильных молодых людей, у которых больше шансов внезапно не скончаться под колёсами фуры или от перелома шеи в каком-нибудь кювете. Кроме того, Ася стремилась быть в центре вселенной, впрочем, как и Вика, но только последней это не грозило, поскольку она могла рассчитывать не более чем на второе место, уступая мотоциклу.

Из-за этого Вика больше всего страдала, умудряясь упиваться своими мучениями, ведь у неё была не просто юношеская беззаботная любовь, а сложные взаимоотношения с молодым человеком, когда есть неразрешимая проблема. Ей казалось, что они с Васей проводят слишком мало времени наедине, а всё больше гуляют в компании его друзей, которые собираются в условленном месте со своими девчонками, оставляют их поболтать о женском, а сами устраивают соревнования.

Вот и сегодня Вика с нетерпением ждала дождя, глядя на хмурое августовское небо. В дождь Вася пообещал ей не садиться на мотоцикл, а значит, принадлежать всецело ей. Но к вечеру небо даже стало проясняться. Он заехал за ней пораньше, чтобы не дай бог не попасться на глаза Галине Николаевне (Вика делала определённые выводы, глядя на Еву), и они уехали, оставив Асю кусать локти от безделья и зависти на чужое счастье.

Вика даже не пыталась скрыть своего недовольства и втихаря радовалась тому, что её кислая мина беспокоит Васю, изо всех сил старающегося понять, что не так. Они не сразу поехали в «условное место». Васе надо было побывать в гараже у дяди, что совсем не понравилось Вике.

– Почему я ещё должна общаться с твоим дядей?! Ты думаешь, мне так интересно?! Вы будете говорить о ваших мотоциклах, а я скучать!

– Мне надо, чтобы Валера посмотрел мой байк. К тому же ты не пожалеешь! Он не седая древность. Ему только тридцатник. И он классный мужик.

Вика смирилась, но губки надула. Ей по-прежнему не хотелось ехать на окраину города к каким-то гаражам! Однако её сердце смягчилось при виде того самого дяди Валеры. Это был здоровенный мужик с добродушным лицом в потёртых джинсах, излучающий обаяние. У него добрые глаза, когда его не злят, и сдержанная, но приятная улыбка. И хотя он выглядел

как громадина, имел резко очерченные скулы, а в его лице присутствовала какая-то твёрдость, нечто непробиваемое железобетонное, что-то выдавало в нём ребёнка-переростка.

– Сюда ещё не ступала нога леди! – этой фразы Валере было достаточно, чтобы понравиться Вике. Он нисколечко не льстил, просто ему было привито джентльменство, которое не очень-то вязалось с образом лихого байкера. Но Валера точно знал, как надо обходиться с женским полом. Женщинам нравится, когда им делают невымученные комплименты, оказывают внимание, высказывают восхищение, так почему бы их не радовать, тем более, что это не стоит никакого труда и обещает расположение дамы.

Так же точно Валера знал, как вести разговоры с мужчинами. Он умел спрашивать, не выставляя себя дураком, рассказывать, не будучи противным всезнайкой, шутил, не задевая больные темы, а потому пользовался всеобщим уважением.

Валера никогда не ставил перед собой цели зарекомендовать себя как галантного кавалера или своего в доску мужика, но он нравился всем, благодаря своей коммуникабельности, и даже не задумывался, что ему присуще столь полезное незаменимое качество.

– А Вы тоже байкер? – поинтересовалась Вика, увидев в гараже чёрный мотоцикл.

– Давай на ты! Хоть я кому-то и дядя, мне всё-таки не шестьдесят лет, – так просто сказал Валера, что Вике показалось странным, как у неё язык повернулся обращаться к нему на вы.

– Отлично!

Валера незаметно для Вики подмигнул Васе, выражая своё одобрение его выбору. Он увидел в Вике очень милую девочку с большими голубыми глазами и приятным звонким голосом, в которой ещё была уйма детской непосредственности.

– И всё-таки, ты байкер? – Вике было любопытно больше потому, что Валера выглядел совсем не так, как приятели Васи и был довольно взрослым для столь безбашенных развлечений.

– Ни в коем случае! Я поклонник скорости, но не фанатик, как Васёк! – он похлопал племянника по плечу. – Байкер – это образ жизни, а я могу позволить себе кататься только в выходные.

– И то, когда не прыгаешь с парашютом, не карабкаешься на вершины, не ныряешь в глубины и не катаешься на горных лыжах или сноуборде, – добавил Вася с насмешкой в голосе, вроде бы не понимая, как можно заниматься чем-то ещё, когда у тебя есть байк, хотя на самом деле восхищался своим молодым дядькой, который столько видел и столько умел.

– Экстремал, – подытожила Вика, завороженными глазами уставившись на этого загадочного и интересного Валеру.

– Скорее, единственный философ, который следует собственной философии, а не опровергает её. Ты знакома с мыслями великих?

– Нет, – смущённо ответила Вика.

– Она только на первый курс поступила, – пояснил Вася.

– У тебя всё впереди. Философия тебя научит тому, что все ответы придётся находить самой и понимать бытие, не уповая на помощь книг, и ещё меньше на помощь философских трактатов.

– О, завёлся! – укоризненно пробормотал Вася и вошёл в гараж.

– Ты присядь пока сюда, – Валера показал Вике стул и поспешно убрал с него какие-то тряпки. – Какой дурак наш Василий. Ну, что, право, мне с тобой о мотоциклах разговаривать?

– Хоть кто-то понимает, – тяжело вздохнув, ответила Вика.

– На самом деле я боюсь попасть впросак. Наверняка ты уже столько наслушалась, что разбираешься получше меня!

– Хватит мою девчонку клеить! Лучше посмотри, что у меня тут, – позвал Вася дядю.

– Откланиваюсь. Не скучай! – Валера подмигнул одним глазом Вике и подошёл к мотоциклу Васи.

Тут началось самое страшное для Вики. Мужчины завели надоевшие ей разговоры, в которых она понимала только значение глаголов и междометий. Временами её скуку развеивал Валера, обращаясь с какой-нибудь забавной шуткой. Но чем больше он проявлял внимания и заботы, тем обиднее ей становилось оттого, что Вася совсем не обращает на неё внимания. А ещё ужасно раздражал запах бензина, смазок и прочей химии.

– Что с лицом? – весело спросил её Вася, садившийся на мотоцикл. Он был доволен плодотворной поездкой. Его железный конь теперь в полном порядке, а потому он даже не пытался понять, что Вике от этого никакой радости.

– Догадайся, – мрачно ответила она, подходя к мотоциклу.

– Что ты там себе опять нафантазировала? – устало спросил Вася, и улыбка сошла с его лица.

– По-твоему, я фантазирую?!

– Ну, а что случилось?

– Случилось то, что тебе плевать на меня!

– Опять двадцать пять! – воскликнул Вася и выругался.

Валера тем временем разговаривал по телефону, копаясь в ящике с инструментами, а потому не обратил внимания на драму, разыгравшуюся возле его гаража.

– Вот так ты, значит! – чуть не плача завопила Вика.

– Как так? Что я тебе сделал?

– Ничего ты не сделал! Вообще ничего! Почему мы всегда там, где тебе нужно быть или где тебе весело?! Ты бы хоть раз поинтересовался, что нравится мне!

– Раньше тебя всё устраивало!

– Раньше я просто молчала!

Ева высмеяла бы их с позором, услышав эту перебранку. Эти двое были знакомы месяц и официально встречались три недели, поэтому словечко «раньше» звучало уморительно смешно.

– Ты что мне предлагаешь? С твоими малолетками-друзьями путаться?! Извини, но я вышел из того возраста, а, тебе вроде как интересны мои друзья!

– Да плевать на друзей! Мне важен ты! Мы почти никогда не бываем только вдвоём…

– Я всегда с тобой. Меня уже нигде не видят без тебя!

– Да, ты таскаешь меня за собой, но ничего не делаешь для меня! – всхлипывая, продолжала восстание загнобленого класса Вика. Она даже не притворялась, что ей хочется разреветься, хотя обычно слёзы были только средством достижения цели.

– Что для тебя сделать? – спросил Вася так, словно хотел поскорее отвязаться от Вики, выполнив её просьбу, чтобы она заткнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.